

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН
АРТУА.
БЕРЕГ СКАРДАРА

Владимир Корн
Берег Скардара
Серия «Артуа», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954887

Артуа. Берег Скардара: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва;

2012

ISBN 978-5-9922-1275-4

Аннотация

Отправив в другой мир, судьба одаривает всех по-разному. Кому-то она дает уникальную память, кому-то магические способности, кому-то способность к быстрой регенерации, а кого-то вживляет в новое тело. Артуру не повезло, и ему досталось лишь обостренное чувство справедливости. А если добавить к этому талант как магнитом притягивать к себе проблемы и неприятности, то спокойной жизни не жди.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	67
Глава 7	79
Глава 8	89
Глава 9	99
Глава 10	107
Глава 11	114
Глава 12	124
Глава 13	140
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Владимир Корн

Берег Скардара

Глава 1

Любимец судьбы

Болело все: руки, ноги, живот, спина, ребра... Но больше всего болела голова. Зубы, слава богу, целы, я проверил языком, только два из них заметно шатались.

А вот левый глаз открываться отказывался. Да, не очень удачно получилось всего за неделю до свадьбы.

Острая боль в боку от удара совпала с вопросом:

– Ну и долго ты собираешься валяться?

Сейчас встану. Больно же. Осиротевшим глазом я видел доски палубного настила, должен признать, довольно чистые, и чьи-то ноги, в высоких сапогах или босые. Сколько их? Две, четыре, восемь...

Черт, да что же это такое! Очередной удар пришелся по тому же боку. Нужно вставать, иначе забьют насмерть, ироды.

Палуба уходила из-под ног, и вовсе не из-за качки. Я провел ладонью по левому глазу, вытирая кровь со слипшихся ресниц. Цел глаз, цел, а это уже пусть маленький, но по-

вод для оптимизма. И куда мне с такой физиономией на собственную свадьбу? На чужой в подобном виде бывать приходилось, не думал, что и на своей случится.

Так, и что тут у нас? Двухмачтовый парусник, такие здесь катласами называются. Косое парусное вооружение, очень маневренный и довольно ходкий. Идет круто к ветру, вон сколько парусов зарифлено.

Человека, стоявшего передо мной, я видел в первый раз. Роста высокого, кучерявая борода, улыбка во весь рот. Только вот эта самая улыбка мне отчего-то совсем не нравится, нет в ней никакого радушия. Ничего, разберемся.

– Что, благородный ты наш, не нравится?

Еще бы, конечно нет. Кому же такое обращение понравится? Я за собой склонности к мазохизму никогда не замечал.

Сейчас мы спокойно поговорим и, надеюсь, договоримся. Моя любимая не какая-нибудь там прачка или булочница. Если проблему невозможно будет решить при помощи золота, найдутся и другие рычаги воздействия. Любой человек чего-нибудь боится, а возможности у моей будущей супруги... Так что непременно рычаги найдутся, нисколько в этом не сомневаюсь.

И я сказал, устремив свой одноглазый взор за его спину:

– Грота-брасы прослабли.

– Чего? – От неожиданности мой собеседник посмотрел туда же, слегка обернувшись.

Грота-брасы действительно прослабли, корабль менял

курс, ложась на другой галс, так что я не лгал.

Очень трудно, почти невозможно, находясь в такой позе, как была сейчас у моего собеседника, равномерно распределить вес на обе ноги: даже если очень стараешься это сделать, одна нога все равно будет опорной. Вот поэтому я и обратил внимание бородача на такелаж – удар в колено опорной ноги чреват тяжелой травмой, и в тот момент я мечтал именно о том, чтобы эту самую травму нанести.

«Приятно, когда мечты сбываются», – пронеслось в голове.

Не стану я с вами договариваться, выкупая себе свободу, и вовсе не потому, что мне жалко золота. Разве можно любить мужчину, прячущегося от своих проблем за женскую спину?

В воду я вошел боком, не успев сгруппироваться. Не беда, тут и лететь-то меньше двух метров.

Вдоль любого борта идущего корабля существует три зоны. По носу и корме вода отталкивает, а посередине, на миделе, обратный эффект. Впервые это обнаружили, по-моему, англичане, когда два их паровых корабля столкнулись, оказавшись в простейшей ситуации: один решил обогнать другого, пройдя на минимальном удалении. Внезапно нос обгоняющего резко повело в сторону, в результате чего и произошло столкновение. Впрочем, парусники так близко не сходятся, мешает рангоут.

Почему я об этом вспомнил? Да потому что мне предстояло проплыть под катласом. Парусник, следовавший против

ветра, имел минимальный ход, поворачивал корабль в мою сторону, так что со своей задачей я справился блестяще и даже изловчился не задеть заросшее ракушками и водорослями днище, иначе мог бы сильно оцарапаться. Понятное дело, ранки были бы не серьезные, но акул в здешних морях как килек в банке, и это не хорошо, а очень даже плохо. Обоняние у этих рыбок – ищейка от зависти удавится, и даже на едва уловимый запах крови они явятся незамедлительно.

Вероятно, именно из-за акул мне и удалось так легко покинуть корабль, прыгнув за борт, ведь никому и в голову не могло прийти, что можно пойти на такой риск добровольно. Да вот только выбора у меня не было.

Яна была категорически против моей поездки в Монтарно, вероятно предчувствуя что-то недоброе, но мне все же удалось ее убедить. «До свадьбы целых три недели, и времени мне хватит с лихвой. А этот человек мне нужен, очень нужен», – убеждал я ее.

И что в итоге? Меня, наверное, вернули бы невесте: если бы не прельстились золотом, так ведь существуют и другие способы убеждения. И предстал бы я перед своей любимой с разбитым лицом и заплывшим глазом. «Извини, свет моих очей, – сказал бы я, – такой вот у меня мальчишник получился». Нет уж, лучше к акулам за борт.

Кстати, купание благотворно повлияло на зрение, теперь я видел и вторым глазом. Правда, только через узкую щель. В следующий раз, если будут подобные проблемы, выберу

местечко, где этих зубастых тварей побольше, и опять сигану за борт...

Удача мне благоприятствовала, потому что я сумел ухватиться за перо руля. Кормовой подзор надежно защищал от любопытных взоров сверху, и у меня появилось немного времени на то, чтобы определиться со своими дальнейшими действиями. Самое простое – добраться до шлюпки, которая следует за катласом на буксире, – там, как и положено, есть неприкосновенный запас воды и пищи. Только с подобными маневрами лучше подождать до темноты. Расстояние невелико, да и легкая зыбь поможет скрыть голову плывущего человека. Находясь на палубе, я заметил, что шлюпок на боканцах нет и та, которую сейчас буксируют, – единственное спасательное средство на катласе.

Правда, есть одно большое но.

Перед тем как прыгнуть за борт, я успел заметить лежащего у фальшборта человека со связанными за спиной руками. И эта спина была мне очень хорошо знакома. Много раз она маячила передо мной, прикрывая от опасностей. Так что нет мне ходу, точнее сказать, плавания к шлюпке.

Уцепившись двумя руками за руль и выждав еще немного, я вскарабкался по буксирному канату на кормовую надстройку. Удалось это мне достаточно легко. Один из иллюминаторов был приоткрыт, и это тоже иначе как удачей не назовешь. В каюте капитана, занимавшей весь ют корабля, царил полумрак. Сюда я и стремился попасть.

А вот и он, хозяин, беззаботно спит, укрывшись одеялом почти до подбородка. Вряд ли на корабле пользуются капитанской постелью по очереди, так что сомнений быть не должно. Спи, зайчик, спи, а я постараюсь найти пару подходящих предметов для того, чтобы сделать твое пробуждение наиболее радостным.

Удача по-прежнему была на моей стороне. На одном из столов лежали вещи, которые я привык постоянно иметь при себе. Пистолет работы Гобелли, шпага толейской стали и «Уродец». Нет, сейчас он был уже не «Уродцем», назовем его лучше «Последним шансом», так будет правильнее. И держал я его при себе только в последнее время.

Обстановка каюты не впечатлила. Много дорогих вещей и предметов, но подобрано все весьма безвкусно. Нет, я и сам не являюсь эталоном вкуса, но у меня хотя бы хватает ума проконсультироваться в случае необходимости.

А вот задвижка на дверях отличная, к ней никаких претензий нет. Мощная, впечатляющих размеров, да еще и выполненная в виде диковинного морского зверя. Поскольку дверь открывается наружу, то засов остается только рубить, что вполне меня устраивает. На этом экскурсию можно заканчивать.

Рывком скинув с постели храпящего хозяина, я уселся ему на спину, обхватил его рукой за шею и приставил к горлу кинжал. Вот тебе и раз! Он, оказывается, даже проснуться не соизволил. Ковер, что ли, для этого нужно было убрать?

Мягкий такой, пушистый, с длинным ворсом, видно, очень дорогой, только уж больно замызганный. Ладно, тем проще. Теперь, с надежно связанными за спиной руками, владелец каюты стал частью моего далеко не идеального плана.

Капитан пробурчал что-то недовольное. Вот же сон у человека, даже позавидовать можно. Это сколько же нужно было выпить? Судя по тяжелому запаху перегара, очень и очень немало.

Покрывало на постели зашевелилось. Держа кинжал наготове, я подскочил к кровати и сдернул одеяло. Огромными от страха глазами на меня смотрела девчонка, совсем молоденькая, раздетая, сжавшаяся в комочек.

– Ты кто?

От моего вопроса она сжалась еще больше. Ну да, могу себе представить, вид у меня тот еще. Слипшиеся от крови волосы, лицо разбито, один глаз заплыл, а в руке кинжал почти полметра длиной. Еще и голос хрипит – угодили все-таки мне ногой в горло, хоть я и старался прикрывать его как мог.

– Мириам. Меня хозяин в Гостледере купил. Привел на корабль и приказал в каюте сидеть. Потом он пришел пьяный и велел раздеться, а сам заснул.

Голос у девчонки прозвучал тоненько, прямо писк какой-то, а не голос.

Гостледер в Монтарно – порт большой, можно сказать огромный. Там я по голове и получил, перед тем как на этом

корабле оказаться. А то, что в Монтарно до сих пор существует работорговля, – это для меня не новость.

– Быстро одевайся!

Мириам промелькнула мимо меня с похвальной скоростью.

«Славная фигурка, – успел отметить я. – Даже удивительно для девочки ее возраста».

Взрыв хохота, донесшийся с верхней палубы через открытый иллюминатор, напомнил мне, что следует торопиться. Мириам, уже полностью одетая, застыла, прижав руки к груди и испуганно глядя на меня. Так, и что мне с ней делать? С собой нельзя, а если здесь оставить, еще надумает освободить хозяина. А убить его я не могу, он мне живым нужен.

– Не вздумай его развязывать! Если придет в себя, стукни его по голове чем-нибудь тяжелым. Все понятно? – со всей доступной мне строгостью инструктировал я Мириам. Та только кивала головой, слушая мои указания.

Оторвав кусок ткани от простыни, я повязал косынку. Нужная вещь – волосы все еще мокрые, и в любой момент капли воды могут попасть в глаза. А мне это совсем не с руки: левый глаз до сих пор открыт всего-то процентов на тридцать. Так, за пояс заткнем «Уродца», шпагу возьмем в зубы, в левую руку – пистолет Гобелли, в правую – ствол хозяина каюты. Все, пора.

Нет, шатающимися зубами больно шпагу держать, придется часть клинка обмотать тканью. Вот теперь точно все.

В небольшом проходе, ведущем к двери, которая выходила на палубу, никого не оказалось. По обеим сторонам – соседние каюты, но мне сейчас было не до их обитателей, не зачистку делаю. В двери, выходящей на палубу, иллюминатора не было, а сама она открывалась наружу. Разумно, где тут в спешке ручку искать, не дай бог пожар. На корабле это самое страшное и сейчас, и в будущем. Кому как не мне об этом знать, если я сам из этого самого будущего.

К месту вспомнилась и шутка, тоже из моей другой жизни: раньше были деревянные корабли и железные люди, сейчас корабли железные, а люди, увы, деревянные. Только ко мне это не относится, сейчас я сплав из железа с никелем. Вперед.

Через щель в приоткрытой двери я мог наблюдать следующую картину. На шканцах в окружении десяти человек стоял Проухв. И я второй раз в жизни увидел его разъяренным. Правду сказать, было отчего прийти в ярость: все окружавшие его люди держали в руках клинки, и, стоило Проухву повернуться в какую-либо сторону, как он тут же получал укол сзади. По Прошкиным штанам текла кровь. А чуть дальше на бочке сидел человек, который сегодня, похоже, пополнил ряды хромцов. Пират болезненно морщился, поглаживая колена, а мое сердце наполнялось радостью – получилось. Но боюсь, что забава скоро ему надоест, и он махнет рукой: все, мол, заканчивайте.

Сейчас я и сам выглядел как типичный корсар: босой, с

косынкой на голове, с зажатым в зубах клинком, с пистолетами в обеих руках и почти одноглазый. Шагнув на палубу, я стремительно приблизился к стоявшему ко мне спиной ближайшему пирату, приставил пистолет к его правому боку и нажал спуск. Выстрел прозвучал глухо, но его услышали все.

– Бах! – рывкнул «Гобелли» в его соседа, так и не успевшего до конца повернуться на звук выстрела.

Еще один, рыжеволосый верзила, среагировавший на происходящее с похвальной быстротой, уже летел ко мне с короткой абордажной саблей. А зря... Просто ему с его места не было видно, что пистолет-то двуствольный, с вертикальным расположением стволов.

Когда я направил на него дуло, пират изменился в лице. Только бы не осечка, иначе конец, меня уже ничто не спасет. Рыжий попытался затормозить. Поздно. Пуля вошла в середину груди, отбрасывая пирата назад.

Теперь очередь «Последнего шанса», и если он не поможет...

– Раз! – заорал я на родном языке, потому что все остальные вылетели из головы, когда следующий враг, получив пулю, схватился за живот и согнулся пополам. – Два! – Я отправил очередную пулю в спину убегающего пирата. – Три! – И этот выстрел не прошел мимо.

Методика такой стрельбы весьма проста, но в этом мире ее еще предстоит создать. Само оружие является продолжением руки, а его ствол становится вытянутым указатель-

ным пальцем, и тогда достаточно указывать таким вот удлиненным пальцем на противника. Промахнуться с расстояния нескольких метров сложно, если только не страдаешь нарушением координации движений в результате психического заболевания.

– Четыре! – прокричал я в толпу шарахнувшихся от меня матросов катласа, выбрав самого толстого, чтобы наверняка не промахнуться. Понять их ужас можно, не должен пистолет с одним стволом стрелять четыре раза подряд.

А их уже ждал Прошка, подхвативший вымбовку после моего третьего выстрела. Конечно, деревянный рычаг не был похож на его любимый баллот, но это уже ничего не значило. Еще после первого моего выстрела он схватил одного из пиратов, подняв его как мальчишку над головой, и попросту выбросил за борт. Теперь же он крушил обидчиков вымбовкой, сполна вымещая свою ярость.

Я же, готовый подстраховать Прошку на тот случай, если кто-нибудь попытается ударить в спину, застыл со шпагой и револьвером, в котором оставалось всего два заряда. Но желающих рискнуть не находилось: объятые ужасом люди стремились спастись от гнева Проухва.

Дверь, ведущая в кормовую надстройку, распахнулась от сильного удара ногой, и на свет показался хозяин этого корабля с абордажным топором в руках. Лицо его было искажено от ослепляющей ярости, и сразу становилось понятно, почему капитан здесь именно он – пират явно не собирался

по примеру своей команды метаться в ужасе по палубе или карабкаться по вантам на мачты.

– Восемь! – таков был мой очередной рев, и я сам не смог понять, почему именно эта цифра пришла мне в голову. «Наверное, восемь – это мое счастливое число», – пронеслась глупая мысль, когда между глаз капитана образовалась аккуратная черная дырочка. Жаль, конечно, очень жаль – хозяин занимал в моих планах основную роль. А из мертвеца очень плохой, прямо скажем, на редкость отвратительный заложник.

И теперь, похоже, придется трудно, ведь на верхней палубе находилась только часть команды катласа. А ведь были еще и подвахта, и отдыхающая смена, помещавшаяся где-то там, внизу, на жилой палубе корабля. И этим людям не потребуется много времени, чтобы разобраться в ситуации и понять, что все не так уж страшно, что нас всего лишь двое, а в моем револьвере остался один патрон.

Держа наготове шпагу, я взлетел на полуют, туда, где находился штурвал. Там должен быть рулевой, вахтенный офицер, или как он тут называется. Но, к моему удивлению, мостик оказался пуст. За кормой корабля раздался вопль. Недалеко, в кильватерной струе, виднелась голова плывущего человека, а вокруг кружили черные плавники акул. Затем все скрылось в розовой пене.

Человек исчез, в последний момент вытянув из воды руку, будто пытаясь ухватиться ею за низкое хмурое небо. Я даже

вздрыгнул, на секунду представив, что на его месте мог быть и я.

Корабль, оставшийся без рулевого, сносило под ветер.

– Прощка, ко мне! – заорал я снова на родном языке. Но слово «Прощка» понятно и без перевода, а уловить смысл команды можно и по моему требовательному реву. Проухв в два прыжка преодолел все восемь балясин трапа и встал рядом со мной, весь заляпанный своей и чужой кровью, все еще держа в руках обломок вымбовки, свежеекрашенный в красный цвет. – Подтягивай, – указал я ему на канат, волочивший шлюпку на буксире. Прощка сильнее, поэтому и подтянуть ее к борту у него получится значительно быстрее.

Сам я встал у единственного трапа, ведущего на мостик. Какое-то время у меня получится сдерживать команду, которая пока находится под впечатлением от пистолета, что может стрелять много раз подряд. Но когда пираты догадаются пустить в ход и свое огнестрельное оружие, все, пиши пропало.

Внезапно раздался душераздирающий скрежет и треск, и палуба стремительно ушла из-под ног. Падая, я выпустил последний заряд в такое близкое небо. Корабль начал стремительно крениться на левый борт.

«Налетели на подводные скалы», – мелькнуло в голове, которой я при падении успел здорово приложиться к нактоузу, когда попытался встать на ноги. А корабль продолжал крениться, и было слышно, как через пробоину в его чре-

во проникает вода. В трюмах что-то прогромыхало, похоже, сместился груз, и от этого катлас начал заваливаться на бок еще быстрее. Из дверей кормовой надстройки выползла Мириам, оглушительно визжа от страха.

Девочка, а я ведь совсем про тебя забыл.

– Ваша светлость, – послышался рев Проухва. – Быстрее, сюда.

Так, шлюпка у борта, и если сейчас ее не займем мы, то она достанется хозяевам.

Корабль уже касался воды ноками рей. Сейчас он достигнет точки неустойчивого равновесия – и все, на ровный киль ему уже не встать. У катласа останется только один путь – перевернуться вверх дном. У нас это называется оверкиль, а как здесь – не знаю.

Мириам пролетела по наклонной палубе к самому фальш-борту, и, не будь его, свалилась бы в воду, туда, где мелькали стремительные тени акул и разрезали воду плавники хищников.

Сейчас, девочка, сейчас, мы ни за что тебя здесь не оставим. Ухватив все еще визжащую девушку за ворот, я чуть ли не волоком потащил ее за собой. Прощка был уже в шлюпке и бешено вращал глазами в поисках чего-либо, чем можно перерубить канат. Но ничего такого не потребовалось: морские узлы тем и отличаются от всех остальных, что надежны, легко вяжутся и их быстро можно распустить при необходимости. Местный узел ничем не отличался от знакомых мне

по прежнему месту жительства на планете Земля.

– На весла! – заорал я ему уже на общеимперском, отгаливающая шлюпку от гибнувшего корабля. Не хватало еще, чтобы по нам стрелять начали, ведь мы сейчас совсем рядом. Не сомневаюсь, пиратам сейчас не до этого, но я привык, что моя судьба всегда выбирает самый плохой сценарий.

Хрясь – и в руках Проухва оказались две половинки весла. Черт возьми, ты хотя бы немного соизмеряй свою силу с тем, что попало тебе в руки.

Ничего, шлюпка четырехвесельная, и грести я умею.

– Держи румпель прямо! – Это уже снова Прошке. Вот же моряк чертов, уж такие-то слова он должен знать. Очень трудно грести и держать нужное направление, когда перо руля почти прижато к транцу кормы.

– И-и-и раз, и-и-и раз, – командовал я сам себе, работая веслами и глядя на удаляющуюся корму катласа. На накренившейся корме корабля золотом горели буквы – «Любимец судьбы».

Глава 2

Букашка

Я сидел у ярко горящего костра, орудуя шомполом и заряжая нижний ствол пистолета. Хороший боцман был на «Любимце», хозяйственный. В шлюпке имелось все, что необходимо потерпевшему кораблекрушению моряку. Запас воды в деревянном бочонке – анкерке, сухари, похожие на галеты, какой-то мясной концентрат, напоминающий пеммикан, соль, рыболовные снасти и даже порох с палочками свинца. Как же все это кстати!

Небо по-прежнему хмурилось, но Проухв успел соорудить шалаш из съёмной мачты, паруса, весел и нарубленных похожим на мачете тесаком жердей, найденным там же, в шлюпке.

Над огнем весело бурлил котелок с рыбной похлебкой, вокруг которого хлопотала Мириам. Время от времени девушка поглядывала на меня, но я старательно делал вид, что не замечаю ее взглядов. Котелок тоже нашелся в шлюпке, так же, как и багор, припасенный совсем уж непонятно для каких целей.

Наверное, мы поступили не совсем правильно, лишив терпящий бедствие корабль единственного средства спасения. Но совесть меня совсем не мучила, с чего бы вдруг? Не давал

я своего согласия погостить на его борту, тем более получив по голове вместо приглашительного билета.

Все же глупо вышло в Гостледере, очень глупо. Прибыл я туда якобы в поисках одного человека, талантливого кораблестроителя – так мне пришлось объяснить Янианне свою отлучку перед самой свадьбой. И такой человек действительно был. Может быть, и не Крылов, но для своего времени корабел выдающийся.

В Гроугенте, крупнейшем морском порту Империи, была у меня собственная верфь. Строить корабли мне хотелось давно, но не такие, которые были бы похожи на те, что бороздят местные моря, а с учетом идей и технологий, которые я принес из своего мира. Нет, на атомоходы я не замахивался, и даже до винтовых пароходов дело еще не дошло, но... Правда, нужного мне человека я нашел еще до своего путешествия и убедил корабела работать на моей верфи.

Настоящая причина моего визита в Гостледер была несколько иная: очень уж хотелось удивить Яну свадебным подарком. Вполне подошла бы и ривьера из фениксов, но, как говорится, что сделано – то сделано.

Подарок был моей головной болью. Чем можно поразить девушку, выросшую в императорском дворце? Я уж было совсем отчаялся что-либо придумать, когда как нельзя кстати случайно услышал об одной вещи. И мне очень захотелось достать эту самую вещь, которая могла бы стать почти идеальным подарком для моей любимой.

Для встречи с человеком, через которого я мог бы выйти на вещь, я и отправился в Монтарно. Обидно, что посредника я найти так и не успел, оказавшись вместо этого на борту катласа. И теперь, оценивая ситуацию, я все больше приходил к мысли, что это была подстава. Если бы я сумел захватить капитана «Любимца судьбы» в заложники, мне удалось бы убить сразу двух зайцев: спасти Прошку и выяснить, что да как. А теперь оставалось только гадать: случайно ли я попал на катлас, был ли это чей-то заказ, или сошлись какие-то другие обстоятельства...

Я еще раз проверил состояние кремней на обоих стволах, насыпал на полки пороху, закрыл их и тщательно завернул пистолет в кусок просмоленной парусины.

Вот он, следующий этап в развитии огнестрельного оружия – «Уродец». Нет, сейчас он не «Уродец» и даже не «Последний шанс», а «Спаситель». Не будь его, легко представить, чем бы все закончилось на борту «Любимца судьбы».

Пистолет и вправду выглядел уродцем: никакого изящества линий, так, грубый кусок металла. Мой ювелир, Альбрехт Гростар, наотрез отказался заниматься дизайном оружия. Нет, он настоящий мужчина и при необходимости сможет защитить своих близких, вот только вдохновения ему работа с оружием не приносит, не его это, так он и заявил. Конечно, я мог бы настоять, но зачем давить на человека, толку от этого обычно бывает ноль.

Я злорадно ухмыльнулся, вспомнив, как отомстил ему,

пусть и совсем за другое. Все началось с того, что я приехал к Гростару с намерением отблагодарить за одно дело. Не так давно, когда я был твердо убежден, что покидаю Империю навсегда, я оставил ему кошель, полный фениксов – баснословно дорогих самоцветов, предложив использовать их по своему усмотрению. Так вот, этот негодяй изготовил из них потрясающее ожерелье – ривьеру – и преподнес украшение от моего имени Янианне, с которой, как мне тогда казалось, мы расстались навсегда.

В ответ на слова благодарности Альбрехт заявил, что камни всего лишь попали туда, где им и следовало быть, на прелестную шейку императрицы. В моих словах нет нужды, но если я помогу решить ему одну проблему, он будет сам бесконечно мне благодарен. Я с радостью ухватился за возможность отплатить добром за добро.

А проблема заключалась всего лишь в ничтожных десяти тысячах золотых имперских крон, на которые он хотел бы построить обсерваторию, поскольку всерьез решил заняться астрономией. Вот во что вылилось его увлечение оптическими приборами. Причем просил он деньги не то чтобы насовсем. Гростар хотел вложить капитал в очень выгодное дело, которое в скором времени принесет солидный доход. Тогда он сможет вернуть мне эту ничтожную сумму, причем с серьезными процентами, а на оставшиеся деньги воплотит свою мечту в жизнь. Глаза у него при этом были слишком уж смеющимися.

Мерзавец, наверняка он научился этому у Анри Коллайна, пока я был в отлучке. Быстро они между собой спелись, сборище негодяев. И произошло это тогда, когда до моей свадьбы с Янианной оставалось меньше двух месяцев и когда я считал чуть ли не каждый медный грош!

Мне пришлось ему пообещать подумать над этим всерьез.

На следующий день я заявился к ювелиру домой. Когда мы прошли в его кабинет, я открыл принесенный с собой кофр и начал извлекать оттуда необходимые для мести предметы: стеклянную пирамидку высотой с ладонь, кинжал с вычурной ручкой, выполненной в виде нагой девы, маятник и, наконец, небольшую трубу, обтянутую черным шелком. Распахнув настежь окно, я расположил пирамидку в одном из углов кабинета, пристроив ее на большие напольные часы с боем. Маятник занял место в другом углу комнаты, а кинжал я безжалостно воткнул в бюро, надо прямо сказать, весьма дорогое. Гростар с любопытством наблюдал за моими действиями, устроившись в глубоком кресле.

Затем настала очередь свитка, который я бережно достал из того же кофра, начав заунывно читать вполголоса на незнакомом ему языке. Потом пришло время и самой трубы. Посмотрев сквозь нее на свет и прокрутив несколько раз вокруг оси, я отложил трубу в сторону, поправил пирамидку, сильнее раскачал маятник. Затем, снова заглянув в трубу, удовлетворенно кивнул головой.

– Магия, – заявил я ошеломленному моими действиями

Альбрехту, – очень древняя и очень сильная. Называется рефракцией. Извольте взглянуть.

С этими словами я протянул трубу Гростару. Тот недоверчиво взял ее в руки, а отбирать ее пришлось уже силой. Не надо и говорить, что зрелище потрясло ювелира. Он не сводил с трубы глаз, когда я, размахивая ей, вещал:

– Вы обратили внимание, Альбрехт, на то, что узоры не повторяются. Так вот, для того чтобы они все же начали повторяться, потребуется пятьсот миллионов лет. Да, да, вы не ослышались, именно такой срок. И это при условии, что вы будете крутить трубу со скоростью десять оборотов в минуту.

Вот же ляпнул так ляпнул, местный год несколько длиннее земного. Это на Земле пятьсот, а тут вполне может быть на добрые десять миллионов меньше. Ничего, долго же ему придется проверять мои слова. Все остальное правда, при условии, что в калейдоскопе будет двадцать бусинок и осколков цветного стекла. Помню, я сам поразился, прочитав такой факт.

– Представляете, сколько новых идей может извлечь из этого магического прибора ювелир! Поистине бесценное приобретение.

Гростар продолжал меня слушать, даже не пытаясь закрыть рот. Я переложил калейдоскоп в левую руку и отвел ее далеко в сторону. Затем произвел обратную манипуляцию. Бедный Альбрехт, как сомнамбула, переводил свой взгляд

из стороны в сторону.

– Сам я приобрел это чудо за двадцать тысяч, но вам уступлю всего лишь за один щелчок по тому месту, которое вы считаете вместилищем своего ума. После этих слов я снял с трубы ткань, развернул плотную бумагу и высыпал на стол перед его носом стекляшки, бусинки и полоски зеркал. – И не забудьте внимательно прочитать заклинание, – заявил я на прощание.

Заклинание было необходимо, потому что в нем я написал примерно следующее: «Я, Альбрехт Гростар, клянусь никогда не морочить голову серьезным людям, особенно в совершенно неподходящее для этого время. Кроме того, обязуюсь изготовить эту штуку в подарочном исполнении, заменив осколки стекляшек и бусинки жемчугом, лалами, яхонтами, диамантами и всякими смарагдами».

Янианне калейдоскоп очень понравился, и она даже взяла его с собой на какое-то важное заседание. Время от времени Яна заглядывала в него, когда думала, что на нее никто не обращает внимания. В конце концов кто-то все же отважился поинтересоваться, что же такое рассматривает ее императорское величество. В итоге заседание было сорвано.

Калейдоскопы сразу же приобрели бешеную популярность. Поэты слагали о них стихи, а ученые писали научные работы. Словом, произошло все то, что когда-то случилось и на Земле. Скоро они и здесь станут детскими игрушками, но до этого еще долгие десятки лет.

А Гростар был мною позорно посрамлен, хотя это и осталось между нами. Я никогда не напоминал ему об этом событии, лишь изредка называя его магическим магистром...

С револьвером все вышло иначе.

Как когда-то и обещал, Коллайн нашел мне мастера Гобелли, одного из лучших оружейных мастеров Империи, лет пять назад ушедшего на покой. Он проживал на побережье недалеко от Гроугента в небольшом имении. Оружейник принял меня в своем кабинете, и я сразу решил взять быка за рога, поинтересовавшись, где могу продемонстрировать опытный образец оружия нового поколения.

Гобелли любезно распахнул одно из окон кабинета, ведущее в сад, и указал на стоявшее метрах в десяти высохшее дерево. Ствол дерева был в весьма плачевном состоянии, вероятно, по той простой причине, что его с завидной регулярностью наспигивывали свинцом. Я зарядил каморы барабана патронами, встав так, чтобы оружейнику было хорошо видно мое занятие, затем взвел курок и выпустил все шесть пуль в бедное растение.

Револьвер был выполнен по самой простейшей схеме: рама его не переламывалась и барабан не откидывался в сторону. В этом случае зарядание, как и экстрагирование гильз требовало больше времени, но повышалась общая надежность. Схема полностью соответствовала нагану. Когда-то в царской России изготавливались два варианта подобного оружия: солдатский и офицерский револьверы. Офицерский

считался самовзводом, то есть при нажатии на спусковой крючок проворачивался барабан и взводился курок... В солдатском варианте необходимо было взводить курок для каждого выстрела. Технологически они были практически равнозначны, а разница между ними была сделана лишь из-за убеждения в том, что самовзводный вариант в руках нижних чинов приведет к повышенному расходу боеприпасов.

Мой «Уродец» был изготовлен по самовзводной системе и от нагана отличался только тем, что имел шесть камер в барабане и действительно уродский вид. Калибр у него был... черт его знает, какой, но мизинец входил в ствол до первого сустава. А количество камер пришлось уменьшить из-за довольно низкого качества металла.

Всего изготовили четыре экземпляра, из которых произвели по пятьдесят выстрелов. Один револьвер «погиб» из-за плохой обтюрации, один остался в Стенборо, моем имении, которое я когда-то замыслил превратить в центр инновационных технологий. Еще один экземпляр я подарил Коллайну, страстному любителю огнестрельного оружия, ну а с последним заявился к Гобелли...

Кабинет наполнился дымом. Мой химик Капсом все еще не мог сделать порох бездымным, хотя и находился на верном пути. Правда, шел он по нему уже достаточно давно. Когда дым немного рассеялся, я вопросительно посмотрел на оружейника.

– Впечатляюще, – произнес тот, хотя лицо его оставалось

совершенно невозмутимым. – И что вы хотите от меня?

Вместо ответа я извлек двуствольный пистолет с кремневым замком и положил его на стол рядом с «Уродцем». Получилось очень наглядно, но дело даже не в том, что уродство револьвера в сравнении с работой мастера стало еще очевидней. Пистолет имел очень интересное решение кремневого замка, что говорило о Гобелли как о талантливом инженерере.

– А, «Марта», – заявил Гобелли, увидев его. – Как он вам достался?

Заметив мой недоумевающий взгляд, он пояснил:

– Это одна из моих последних работ, и я назвал ее «Мартой».

Что ж, теперь и мне нужно было ответить:

– Пистолет мне подарила одна замечательная женщина. И я бесконечно благодарен и ей, и создателю оружия.

Мне удалось сполна расплатиться за подарок Аманды, но рассказ сейчас не об этом.

Я прошелся по кабинету, все еще напоминавшему из-за порохового дыма оружейную мастерскую:

– Маэстро, вы мне нужны. Недалеко от Дрондера у меня есть имение. Так вот, я мечтаю собрать там лучшие умы Империи. Нет, не талантливых математиков или великих философов, а именно практиков. Таких на данный момент в Стенборо около двадцати человек. Не сомневаюсь, что в имении вам будет очень интересно. Только скажите, что вам нужно,

и я постараюсь выполнить это незамедлительно. Титул, золото, дюжину молоденьких наложниц... Все что угодно.

Гобелли, сухой высокий старик с глубоко запавшими глазами, дребезжаще рассмеялся:

– Хочу быть герцогом, господин де Койн.

– Нет, мастер, герцогом я вас сделать не смогу. – И я с сожалением развел руками. Всему есть свой предел. Бароном, быть может, даже графом получится. Надеюсь, я смогу уговорить Янианну. Гобелли – дворянин и весьма известная в Империи личность. Но чтобы сразу герцогом...

Гобелли рассмеялся вновь:

– Не нужен мне герцогский титул. Поверьте, я уже не в том возрасте, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Говоря это, он рассматривал револьвер. Чтобы разобраться в конструкции оружия, ему не потребовалось и пары минут. При чем мне даже не пришлось ничего подсказывать. Он внимательно рассматривал механизм, что-то неслышно бормоча себе под нос. Мне удалось расслышать лишь одну его фразу:

– Господи, как все просто. – При этом Гобелли посмотрел на меня.

Я развел руками: увы, все это не моя заслуга.

А затем у нас пошел замечательный разговор, закончившийся далеко за полночь:

– Вот тут вы не правы, маэстро. Такое вполне устранимо. Достаточно «обрядить» ствол в водяную рубашку – и все

проблемы с теплоотдачей будут решены. Вот, посмотрите на рисунок.

– В водяную рубашку, говорите? А ведь верно...

Чуть позже уже он пытался убедить меня в своей правоте:

– Полноте вам, господин де Койн. Зачем все усложнять?

Не проще ли будет сделать шептало чуточку длиннее?..

Устройство и преимущества унитарного патрона он понял мгновенно. Да и неудивительно: это я обычный человек, нахватавшийся обрывков чужих знаний. Он же мастер, маэстро.

– Понимаете, господин Гобелли, я думаю, что проблема с бездымным порохом будет решена в ближайшее время, – заявил я с уверенностью, которую совсем не испытывал. Не знаю почему, но у Капсома с этим вопросом определенно не ладилось.

Гобелли поставил на стол тигель, насыпал в него немного мелкого серого порошка и поднес лучинку, зажженную от свечи. Комната озарилась яркой вспышкой, поднявшей к потолку слабую струйку дыма.

Гобелли победно посмотрел на меня и сказал с улыбкой:

– Что вы там говорили о дюжине молоденьких наложниц?

От воспоминаний меня отвлек звонкий голосок Мириам:

– Ваша светлость, похлебка готова.

Не очень-то я сейчас похож на его светлость. С заплывшим глазом, босой, с распухшим лицом и плохо застиран-

ными пятнами крови на белой рубашке.

Похлебка удалась на славу. За ужином мы вели неспешный разговор.

– Так, – произнес я голосом, от которого Мириам непроизвольно съежилась. – Ты зачем его развязала? Я же велел тебе ударить капитана по голове, если он начнет шевелиться.

Девушка съежилась еще больше:

– Я и ударила...

– А он что?

– А он открыл глаза.

– А развязала-то зачем?

– Он сказал, что если я этого не сделаю, то он привяжет к моей ноге веревку и выкинет меня за борт. А чтобы акулы сразу почуяли кровь, сначала отдаст меня команде.

Сейчас Мириам представляла собой сплошной комочек. Я погладил ее по голове, на что она ответила мне робкой улыбкой. Мне не в чем винить тебя, девочка. Далек не каждый мужчина нашел бы в себе мужество отказать этому человеку в его маленькой просьбе.

Немного помолчали, отдавая должное весьма недурственной ухе.

– Ваша светлость, а куда вы меня теперь денете? – наконец поинтересовалась Мириам.

– Замуж отдам, – не задумываясь, ответил я.

– Замуж? – поперхнулась девушка. Затем, немного помолчав, осторожно поинтересовалась: – За кого замуж?

– Вот за Проухва и отдам, – снова не замедлил я с ответом.

Мириам посмотрела на Прошку, повела плечиком, пару раз хлопнула ресницами:

– Проухв, возьмешь меня замуж?

Теперь поперхнулся Прошка. Вообще-то, как я уже успел заметить, он дышал в ее сторону не слишком ровно. Определенно, Мириам ему очень понравилась.

– Не сейчас, конечно, – пришлось успокоить обоих. – Через пару лет. Подрастешь, ума наберешься...

Мириам разочарованно вздохнула:

– Через пару лет мне будет девятнадцать. Все приличные девушки к этому времени давно уже замужем и детишек имеют... – И она опять тяжело вздохнула.

На этот раз поперхнулся я. Через два года девятнадцать лет? С другой стороны, когда в каюте она, голая, метнулась к своей одежде, на ребенка она явно не была похожа. Мириам, уловив мой взгляд, вспыхнула, видимо тоже вспомнив об этом.

Снова помолчали пару минут. Затем девушка невинно поинтересовалась:

– Ваша светлость, а спать мне с моим женихом ложиться?

Прошкина рожа стремительно покраснела.

Проухв, да что с тобой? Если я сейчас поставлю тебя вон на тот мысок, то твое лицо вполне сможет служить маяком, предупреждая корабли об опасности. Никогда бы не подумал, что такая невинная шутка так тебя смутит.

Насколько я знаю, с женщинами у Прошки проблем никогда не было: Проухв им нравился. Еще бы, высоченный плечистый парень, пусть и с несколько простоватым лицом. Неужели Мириам ему настолько приглянулась?

Тут я вспомнил очередность, согласно которой мы поперхнулись, и сообразил, что краснеть пришла моя очередь. Ага, не дождетесь.

– Прошка, нарежешь розог и замочишь их в море. Будем твою невесту воспитывать.

Я рассчитывал, что Мириам испугается, ведь говорил-то я с самым серьезным выражением лица. Сейчас.

Мириам звонко рассмеялась:

– Прошка-букашка, Прошка-букашка.

Наконец ей удалось объяснить, что слово «прошка» означает «букашка» на каком-то знакомом ей наречии.

Ничего себе булашка. Проухв и так поперек себя шире, что при его росте смотрится очень внушительно, а в кирасе и вовсе достигает ужасающих размеров.

Перед сном я размышлял о наших дальнейших действиях. Пойдем на шлюпке вдоль берега, чтобы в случае опасности можно было отойти от него подальше или, смотря по обстоятельствам, высадиться на него и скрыться в лесу. Лес здесь густой, настоящая сельва, спрятаться будет легко.

На побережье обязательно отыщется селение. Доберемся до него – тогда и будем решать, что делать дальше. Да и не должны мы были далеко удалиться от Гостледера, еще и су-

ток не прошло.

Утром я проснулся от громкого шепота Мириам:

– Прощечка, букашечка, разведи костер, я замерзла.

Проухв сонно зашевелился, и она зашикала:

– Тише, тише, господина разбудишь.

– Прощка, – позвал я.

Тот мгновенно вскочил на ноги.

– Да, ваша светлость?

– Ты розги вчера замочил? Так неси их сюда.

И тот поплелся за розгами. Ну нельзя же так, Проухв. Я же шучу, и даже Мириам понимает. Но ведь прикажи я тебе высесть ее, и ты сделаешь это, и вовсе не из-за страха передо мной. Порой я жалею тебя из-за твоей потрясающей наивности и в то же время горжусь твоей преданностью.

Прощка вернулся без розог. Надо же, наверное, сейчас скажет, что их прибором унесло.

– Ваша светлость, шлюпка исчезла, – сообщил он с таким видом, как будто сам был в этом виноват.

Глава 3

Богиня ветров

Шлюпки на берегу действительно не оказалось. Осталась только ровная канавка в песке от ее киля, уходящая в море. Прибоем унести шлюпку не могло, шторма ночью не было тоже. И потом, я достаточно надежно привязал ее к толстому, выступающему из земли корню какого-то дерева. Сначала я положил выбленку, затем штыковой узел, а уж после всего этого рифовый узел. Словом, подстраховался. Так что случайно развязаться точно не могло. Кроме того, мы почти полностью вытащили шлюпку за линию прибоя.

Следы! Ну, что мы тут имеем? Так, это отпечатки маленьких ступней Мириам, размером с мужскую ладонь. Вот здесь она сидела на поваленном стволе пальмы, дожидаясь, пока Прошка перенесет вещи из шлюпки. Это Прошкины следы, оставленные огромными, почти гигантскими подошвами его ботфорт. Он перетащил все за две ходки, явно бахвалясь перед девушкой своей силой. А тут топтался я, изображая вооруженное охранение и оставив после себя отпечатки босых ног изящного сорок четвертого размера. Все. Больше ничего нет. Только цепочки птичьих перепончатых лапок. Шарادا.

Мой блестящий план рухнул как карточный домик. А как все было славно задумано! Я хотел посадить Мириам на рум-

пель, Прошка взялся бы за весла. Он бы греб, играя мускулами перед понравившейся ему девушкой, и его совсем не брала бы усталость. А сам я скромно расположился бы на носу шлюпки, зорко высматривая неведомые опасности. Потом мы отошли бы от берега, поймали попутный ветерок, поставили паруса... И всего этого уже не будет.

Теперь без шуток. Проухву больно сидеть по понятным причинам и больно будет еще достаточно долго. Две раны на его филейных частях оказались достаточно серьезными, да и множество мелких порезов давали о себе знать. Вчера Прошка старательно не поворачивался тылом к Мириам, даже кушал он стоя. Пришлось с ним поговорить, потому что он категорически отказывался от того, чтобы девушка осмотрела и обработала ему раны.

– Я, конечно, могу тебя перевязать, – сказал я ему с самым серьезным видом. – Но после этого мне придется тебя убить, потому что рано или поздно ты проболтаешься, что я перевязывал твою задницу.

Прошка понятливо кивал головой, а подслушивающая Мириам безуспешно пыталась сдержать смех, уткнувшись лицом в ладони.

В конце концов раны обрабатывала девушка. Представляю себе Прошкины муки. Напоследок Мириам чмокнула его в макушку и что-то сказала, после чего Прошка в очередной раз густо покраснел. Я не расслышал всей фразы, но определенно последние слова в ней были: «Очень симпатич-

ная».

Но все это мелочи. Самое противное в этой ситуации то, что теперь я даже теоретически лишаясь всяческих шансов успеть на собственную свадьбу. И если вчерашним вечером они еще имелись, то теперь все, абзац. Полный и окончательный. И с этим необходимо свыкнуться. Тут я в очередной раз вспомнил, что когда-то курил, и в очередной раз пожалел, что местные жители об этой дурной, но иногда такой необходимой привычке даже не ведают. А еще мне не помешал бы сейчас бокал-другой бренди, чтобы успокоить дух и вернуть ясность мысли. Но нет его у меня ни капли, все запасы остались на борту «Лолиты». А сама «Лолита» в Гостледере, морском порту Монтарно, и я очень надеюсь, что она еще не ушла. Нет, такое вряд ли произойдет, команда по меньшей мере месяц будет дожидаться блудного хозяина, пытаясь обнаружить следы моей пропажи.

Теперь придется идти пешком по практически непроходимой сельве, чтобы выйти на какое-нибудь селение, где можно будет пристроиться пассажирами на любом из попутных судов до Гостледера. О том, что у меня при себе нет денег, я не волновался. Расплачусь по прибытии, и порукой тому будет мое слово, его вполне достаточно.

«Лолита» была моим недавним приобретением, трехмачтовым критнером, кораблем, напоминающим земной корвет – такие же обводы корпуса, те же три мачты с полным прямым вооружением.

Обычно корабли строят под заказ, так было и в этом случае, и мне очень повезло, что заказчик внезапно отказался от своего намерения его приобрести. Купцу предстояло выплатить судостроителю огромную неустойку, поэтому он срочно искал покупателя, и тут весьма кстати подвернулся я. Не стал я искать для себя выгоды в его стесненных обстоятельствах, тем более его отказ от покупки не был сиюминутной блажью.

Крилл Броунер, крупный купец, владелец весьма немалого торгового флота, решил, что вполне может осуществить мечту всей своей жизни – построить корабль для души. Да и дела настоятельно требовали его присутствия в нескольких крупных портах, как имперских, так и сопредельных стран.

Начинал он в далекой юности практически с нуля, приобретя в складчину немалой ветхости двухмачтовую посудину. Затем Броунер ее выкупил, через некоторое время продал, приобрел другой корабль, не в пример более новый, за ним следующий, и в итоге мог похвастать десятью судами. Точнее, мог похвастать до недавнего времени. Не так давно в один миг он потерял целых три корабля, причем два из них везли попутный груз, ему не принадлежащий. Местного Ллойда здесь до сих пор не нашлось, так что груз не был застрахован и расплачиваться за него пришлось самому купцу.

Знал я Броунера давно, ведь он являлся основным поставщиком какао для «Торгового дома де Койна». Нашел купца Герент Райкорд, управляющий моим торговым домом, да и всем остальным-прочим. Вот Герент и сообщил мне о ситу-

ации, возникшей у Броунера. Мы как раз сидели с бокалами бренди, которого мне сейчас так не хватало. Есть, конечно, и другой способ вернуть душевное равновесие, и ничуть не хуже. При этих мыслях я посмотрел на Мириам.

Мы обменялись с Мириам взглядами, как только оказались на берегу. «Советую тебе обратить внимание на Прошку. И чем лучше ты будешь относиться к нему, тем лучше я буду относиться к тебе», – попытался я внушить ей мысль. Мириам отлично все поняла. Неглупая девчонка и весьма симпатичная. Так что, по всей видимости, быть тебе, Проухв, дворянином и бароном.

С недавнего времени самая большая страшилка для Прошки – моя угроза присвоить ему благородное звание. Как-то в шутку я заявил, что, поскольку он постоянно находится при мне, то придется ему стать дворянином – негоже мне ронять свой статус. От таких слов Проухв впал в глубокую задумчивость. На следующий день он подошел ко мне, пару минут помялся, что для него вполне обычно, и наконец спросил:

– Ваша светлость, может, как-нибудь по-другому можно сделать?

Сначала я даже не понял, о чем он толкует. Как оказалось, Проухв панически боялся, что я действительно сделаю его дворянином. Расхрабрившись, он привел тысячу доводов в пользу того, что ему никак нельзя становиться благородным.

Среди этих доводов были и такие, что нужно разговаривать умными словами и даже уметь танцевать. Тогда я успокоил его, сказав, что годик еще потерплю, на что он облегченно вздохнул.

Да уж, не понимает человек шуток, над ним даже подсмеиваться неинтересно, все за чистую монету принимает. Вот женю их, и тогда Мириам быстренько мозги ему вправит. А женить Прошку придется: не могу же я, почти женатый человек, холостяка при себе иметь. Оцениваяще посмотрев на Мириам, я решил, что из нее получится вполне симпатичная баронесса...

Так вот, когда я увидел критнер в первый раз, у меня даже дух перехватило, настолько он был прекрасен. Мы стояли на возвышенности вместе с Герентом и Броунером, когда из-за одинокой скалы, высившейся посреди водной глади Тускойского залива, показался корабль. Темно-синий низкий корпус безо всяких надстроек на корме и носу, почти белоснежные паруса на трех высоченных мачтах, белая полоса вдоль оружейных портов (их было восемь на каждом борту). Красив он был, очень красив, мой будущий корабль.

Да уж, дорогую игрушку решил себе позволить на старости лет Броунер. Не так давно я сам долго скреб себе подбородок, собираясь с духом, пока наконец не решился: беру.

Купец с грустью смотрел на бумаги, когда пришло время их подписать. И вид у него был самый печальный. Он мне

нравился, Крилл Броунер, человек, сделавший свое состояние, не сидя в конторке. Да и не был он похож на страдающего лишним весом купца, скорее он выглядел как капитан одного из своих кораблей: дубленое лицо, прорезанное многими морщинами, глаза, много повидавшие за долгую жизнь. Даже немного неудобно было приобретать его мечту...

Но расставались мы весьма довольные. Броунер радовался, что так легко и быстро нашел покупателя, нисколько не потеряв при этом в цене. Да и я выглядел вполне счастливым человеком – критнер меня чрезвычайно впечатлил.

Вооружение его составляло шестнадцать длинноствольных кулеврин, которых было более чем достаточно, поскольку основной их целью являлась борьба с рангоутом и такелажем вражеского корабля, а не нанесение противнику смертельных повреждений. На баке было установлено два погонных орудия, а два ретирадных орудия были нацелены в море за кормой.

Чтобы вести круговой обстрел, имелось еще несколько фальконетов, в том числе на мостике. Они были нужны на всякий случай, для стрельбы картечью в упор.

Тогда я еще подумал, что, как только моя собственная верфь заработает в полном объеме, Броунер будет первым, кому я предложу гафельную шхуну, до которых в этом мире еще добрых пару столетий. Он оценит ее грузоподъемность, легкость в управлении парусами и то, что людей для ее обслуживания нужно значительно меньше.

Сразу после покупки корабля возникла необходимость дать ему имя. Не знаю почему, и даже самому себе объяснить такое было сложно, но при взгляде на корабль мне в голову сразу приходила ассоциация с молоденькой девушкой, почти девчонкой. Той, что вошла в возраст экспериментов с собственным телом, когда уже все хочется знать, но еще страшно. Казалось бы, чего общего с почти боевым кораблем (первоначально критнер именно для таких целей и создавался, и лишь потом в него внесли кое-какие изменения).

– «Лолита». Назову корабль «Лолитой», – решил я. – И черт бы меня побрал, если я смогу хоть как-то объяснить логику своего поступка.

Оставалось решить вопрос с рострой. На носу корабля я хотел бы видеть красивую фигуру расцветающей девушки, и никакие одеяния не должны были ее скрывать. Вся сложность заключалась в том, что этические стандарты Империи требовали, чтобы как живые женщины, так и их изображения были полностью одеты. А учитывая то обстоятельство, что длина женских подолов неизменно достигала земли, все это ставило передо мной довольно трудную задачу.

Обычно, если мне на ум приходила очередная блажь, меня всегда выручал Гростар. Вот к нему я и направился. Альбрехт поначалу встретил меня настороженно, увидев в моих руках тот же кофр, что и в прошлый визит. Надо сказать, настороженность в его глазах была в немалой степени перемешана с любопытством: а вдруг там что-нибудь интересное?

Но ничего сверхинтересного в кофре не оказалось, лишь акварельные наброски моей красавицы – нет в этом мире еще фотоаппаратов. Акварели выполнил один из моих недавних знакомых, друг моего друга, молодого талантливо-го скрипача по имени Эрариа. Художник творил в духе сурового реализма. Однажды, тщательно изучив этот вопрос, я с удовлетворением отметил, что до всяких там импрессионизмов, сюрреализмов и прочих абстракций попросту не доживу. Казалось бы, мелочь, но было весьма приятно.

Гростар взялся за работу, уверив меня в том, что ростра будет выглядеть как девушка его мечты. Он вскользь заметил, что в его жизни был период увлечения резьбой по дереву, и, кроме того, ему известен секрет пропитки древесины особым составом, после чего изделие не будет бояться ни сырости, ни соли, ни чего-либо еще.

Когда я уже выходил из его кабинета, Гростар остановил меня словами:

– Господин де Койн, а какая у девушки должна быть грудь?

Я непроизвольно развел руки с разжатыми пальцами, посмотрел на одну кисть, потом на другую... Как же объяснить... нет здесь размеров женской груди: ни третьего, ни пятого, ни нулевого. Затем я обратил внимание на абсолютно серьезного Альбрехта, глаза которого лучились весельем, чертыхнулся про себя и закрыл дверь.

– Вот же умище! – думал я уже дома, глядя на себя в зер-

кало. – Надо же так ловко придумать!

И мне действительно было отчего гордиться собой. Как оказалось, Лолита в местном пантеоне древних богов являлась богиней ветров. И пусть, согласно легендам, она и сама весьма ветренная особа, но ведь такое простительно не только богиням. И дело вовсе не в ее легкомысленности. Что самое важное и необходимое для парусника? Конечно же ветер!

Фигура девушки, выполненная Гростаром, мне очень понравилась. Красивая такая фигура, с озорным выражением лица и растрепанными из-за сильного ветра волосами. Ветер так сильно прижимал платье к ее телу, что не сразу можно было понять, одета ли она вообще. И краски мастер очень удачно подобрал, а на место глаз вставил удивительные камни изумрудного цвета.

Ростра понравилась мне настолько, что я даже подумывал, не заказать ли еще одну такую же. Так и не решив, куда ее поставить, я с сожалением отказался от своего намерения.

Странно, но формы носовой фигуры удивительно напоминали сложение моей любимой. «К чему бы это?» – подумал тогда я, вспоминая слова Альбрехта о девушке его мечты.

«Лолита», моя девочка, ждала меня в Гостледере, и мне было просто необходимо туда добраться.

Глава 4

Муимбус и Мбака

Сборы заняли долгие полдня. Двигаться придется пешком, строительство плота абсолютно бессмысленно. Во-первых, на это уйдет много времени, а во-вторых, заставить плот двигаться в нужном направлении – занятие в достаточной степени безнадежное.

Идти босиком по местным джунглям было бы крайне глупо. Обувь же имелась только у Проухва. Не сомневаюсь, что он с легкостью лишился бы ее, вот только размер его ноги настолько велик, что среди экипажа катласа просто не нашлось желающих примерить его ботфорты.

Я с тоской вспомнил о своих сапогах. Легкие, прочные, удобные, да еще и пошиты одним из лучших сапожников столицы. К слову, за своей внешностью и одеждой мне приходилось следить с особой тщательностью, в основном по причине обращенных ко мне удивленных мужских взглядов, будто вопрошающих: «И что она нашла в тебе, чего нет во мне?»

С женщинами проще. Они-то как раз считали: «Если она без ума от него, значит, на то есть причины». И так рассуждали почти все, кроме особ, которые имели подходящих по возрасту и положению родственников мужского пола. Вот

эти-то особы могли как бы невзначай заметить, что с моей внешностью, не совсем соответствующей дворцовому эталону, что-то не так. Заметить таким образом, что Янианна могла услышать. Такое напрягало.

Прошка все порывался стянуть с себя ботфорты и отдать их мне. Ага, сейчас! У меня из атрибутов, необходимых для вхождения в образ Кота в сапогах, только шпага имеется. Но его сапожищи пригодились. Из кожи, пошедшей на их голенища, с помощью иглы для штопанья паруса удалось смастерить две пары вполне приличных пинеток для меня и Мириам.

Взять ли с собой «Уродца», я раздумывал недолго. С одной стороны, таскать с собой кусок бесполезного железа почти в килограмм весом особого смысла нет. Конечно, в моей каюте на «Лолите» хранилась пара дюжин патронов для него, так туда еще добраться нужно. Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны, лишь благодаря револьверу мы и остались живы. Так пусть он при мне и останется в качестве амулета, талисмана или оберега нашей удачи. Поэтому я засунул револьвер в вещевой мешок, пошитый расторопной Мириам из паруса.

Я достаточно ясно представлял себе местность, где мы оказались. Пробираться пешком вдоль побережья было лишено всякого смысла. Места пустынные, и если верить карте, вернее, моей памяти, то вблизи никаких селений не было. Отметки глубин были, несколько песчаных банок и под-

водных скал – тоже, но не более того. Я не изучал карту этой местности специально, так, пробежался по ней взглядом на подходе к Гостледеру, будучи еще на кринтнере, больше из любопытства, но кое-что в голове задержалось.

Сейчас нам необходимо идти на юго-запад, это поможет значительно сократить расстояние до ближайших поселений. Затем на попутном корабле нужно пересечь Манойский залив, следуя строго на запад, поскольку Гостледер расположен на самой оконечности Эдуйского полуострова, уходящего далеко в Плиманское море.

В путь мы отправились сразу после обеда, состоявшего из пары сухарей на всех и остатков вчерашней ухи. Накануне Прощка наловил так много рыбы, что часть ее даже пришлось оставить на месте нашей стоянки.

Впереди шел я, вооруженный двуствольным пистолетом и шпагой, за мной следовала постоянно что-то напевающая Мириам, которая несла на плече узелок на палочке. Замыкал скромную процессию Проухв, похожий на груженого верблюда из-за многочисленных громоздящихся на нем свертков и узлов.

Поначалу все было хорошо, путь пролегал среди кокосовых пальм, росших на песчаной почве. И, хотя ноги проваливались почти по щиколотку, двигаться было легко. Затем местность пошла в гору, мы преодолели невысокий холм, а дальше начались джунгли. Настоящие джунгли, где шагу нельзя пройти без пары добрых ударов мачете. Одураю-

щая духота, мириады mosкитов, липкий пот и паутина, норовящая прилипнуть к лицу. Но это было лишь начало, так как впереди нас поджидало чавкающее под ногами болото, кишашщее то ли аллигаторами, то ли кайманами, один черт. И препятствие с зубастыми и голодными тварями нам долго пришлось огибать. Когда мы наконец выбрались на сухое место, Мириам повредила ногу острым сучком, который проткнул хлипкую кожаную «обувь». Кровь удалось остановить, наложив тугую повязку, но наступать на ногу девушка не могла.

Мириам так жалобно смотрела на нас, что я даже подумал: «Господи, девочка, да как тебе пришла в голову мысль, что мы можем тебя здесь бросить?»

За время пути я не меньше сотни раз проклял себя за принятое решение идти напрямик. Если и получится сэкономить три-четыре дня, то цена за это будет непомерно высока. Мы устроили привал, разделив ночное время с Прошкой пополам и по очереди сжимая в руках заряженный полуторной дозой пороха пистолет. Всю ночь в темноте что-то ухало, визжало и рычало, заставляя оглядываться по сторонам и бросать в костер очередную охапку хвороста. К утру дрова начали катастрофически заканчиваться, и только внезапно показавшееся светило спасло меня от решения собирать их в крошечной темноте.

На следующий день верблюдов напоминали мы оба. Я – просто выючного, а Проухв еще и ездового, поскольку ему

пришлось посадить Мириам на плечи. Правда, с местностью нам повезло, джунгли уступили место саванне с высокой травой и одиноко растущими деревьями, очень похожими на баобабы.

Мириам быстро освоилась, применяя научный термин, с изменившейся высотой глаза наблюдателя и даже пыталась корректировать направление движения Проухва, крутя его головой или указывая курс рукой.

Прошка шел весь красный, с неестественно вытянутой шеей и высоко задраным подбородком, пытаясь не смотреть на голые смуглые коленки Мириам, видневшиеся из-под сбившейся юбочки.

«Привыкай, Прошка, – философствовал я. – Женщина на шее – это бремя всех женатых мужчин. Мне и самому в скором времени придется все это испытать и прочувствовать».

Затем Мириам принялась о чем-то его уговаривать, шепча что-то на ухо и даже целуя в макушку. Внезапно тишину нарушило могучее Прошкино «иго-го», спугнувшее птиц с ближайших деревьев и заставившее затрещать кусты справа по курсу. Я ничком упал в высокую траву и долго не мог заставить себя подняться, а когда, наконец, встал на ноги и посмотрел на Проухва и сидевшую у него на шее с самым довольным видом Мириам, то рухнул снова. А потом мне стало не до смеха. Поднявшись в очередной раз, я обнаружил крайне неприятную картину – нас окружали люди.

Смуглые тела непонятно откуда взявшихся аборигенов

были покрыты сложными узорами из красно-бело-зеленых полос, а кудрявые волосы были окрашены в желтый цвет. Люди были вооружены длинными копьями, и выражение глаз туземцев не обещало ничего хорошего. Моя рука медленно потянулась к рукоятке пистолета.

Не такие они уж и дикари, эти люди: наконечники копий металлические, одеты не в травяные юбки, а в носу не торчат украшения из кости. И самое главное, на мой маневр с пистолетом они отреагировали сразу, пригрозив копьем: это лишнее движение, охолони.

Мириам сползла с Прошкиных плеч на землю, следом, едва не накрыв девушку, упала поклажа. Сам же Проухв встал ко мне спиной, так что Мириам оказалась между нами. Парень повел плечами, как бы разминая их, и перехватил багор в обе руки. Он так и не бросил его за время пути, вооружившись им сразу же после того, как мы причалили к берегу, лишь выстрогал новый черенок – прежний показался ему коротким и тонким. Теперь багор смотрелся очень внушительно, хотя ему было далеко до балота, любимого оружия Проухва, представляющего собой гибрид японской нагинаты и древнерусской совни. Вот так и стояли, глядя друг на друга, мы и повстречавшиеся нам люди.

Затем один из них, широкоплечий крепыш, предложил обмен. Он помахал в воздухе бутылкой, сделанной из грушевидной тыквы, и указал ею на девушку. Я отрицательно покачал головой, надеясь, что жест им понятен, и в свою очередь

ткнул пальцем в немалую кучку чьего-то довольно свежего помета, удачно расположенного неподалеку: «Разве что на это». Глаза крепыша мгновенно налились бешенством, а потом он расплылся в белозубой улыбке: «Неужели не страшно?» «Да как тебе сказать? Не то чтобы страшно, попросту неприятно, все так глупо выходит», – пронеслось в голове.

Затем эти люди, как по команде, опустили копья. В голове снова пронеслось: «Вдруг это уловка, чтобы мы расслабились и они смогли избежать лишних жертв?»

Но нет, незнакомцы рассыпались на несколько групп, и одна из них извлекла из ближайших кустов тушу животного, больше всего похожего на крупную газель.

«Камуфляж! – догадался я, внимательно приглядевшись к аборигенам. – Вполне разумное решение – при здешнем климате наносить его сразу на кожу. И расцветка удачная, вон как они сливаются с растительностью, только на открытой местности их и разглядишь».

Дальше мы пару часов следовали вместе с ними, причем не под конвоем, а как бы в составе группы. Солнце уже пряталось за верхушки самых высоких деревьев, когда мы, наконец, добрались до места.

Деревня туземцев состояла всего из пары десятков хижин, крытых связками тростника. Домики возвышались на сваях, хотя до ближайшего источника воды было далековато. Сваи были невысоки, и, чтобы попасть в хижину, нужно было преодолеть всего лишь несколько ступеней.

«Наверное, то, что домишки стоят на сваях, можно объяснить сезоном дождей. Да и снизу хорошо поддувает, вон, пол весь в щелях. А в здешнем климате это немаловажно», — исследовал я предоставленное нам жилище.

Спартанская обстановка хижины совершенно не напрягала. Сплошной ряд лежанок вдоль трех из ее стен и небольшой стол у проема в стене, должно быть, изображающего окно. Вот со столом совсем уж непонятно. Для чего он тут нужен, ведь ни очага, ни посуды нет? Да и окошко, по-моему, совершенно без надобности, удобней посмотреть сквозь щели в изготовленных из бамбука стенах.

В хижине мы просидели недолго, я лишь успел поменять повязку на ноге Мириам. Она, в свою очередь, осмотрела Прошкины раны, как мне показалось, немного по-хозяйски, потому что крутиться его заставляла довольно бесцеремонно.

Затем прибежал мальчишка и знаками куда-то нас пригласил. Как оказалось, на ужин. Мне даже в голову не пришло оставить оружие в хижине, еще чего. Я засунул за пояс пистолет, взял шпагу в бамбуковых ножнах, сооруженных еще в самом начале путешествия. Прошка вооружился мачете, выглядевшим в его руках большим кухонным ножом, затем уже привычно подхватил на руки Мириам, и мы пошли.

Ужин удался на славу. Муимбус, тот самый крепыш, как выяснилось, вождь аборигенов, оказался на редкость веселым малым. Что даже удивительно, ведь обычно начальники

всегда стараются сохранять кисло-строгое выражение лица. «Видимо, такое приходит вместе с цивилизацией», – решил я.

Муимбус усадил нас недалеко от себя и постоянно предлагал нашему вниманию какие-то блюда, лежавшие на огромных листьях с толстыми мясистыми черенками. Особое внимание вождь почему-то уделял Мириам, отчего Прошка имел довольно-таки мрачный вид. Девушка принимала знаки внимания благожелательно, но у нее была своя задача.

Дело в том, что местные женщины проявили к нам искренний интерес, и с этим-то как раз все понятно. Женщина – продолжательница рода человеческого, и ее внимание к иностранцам сугубо утилитарное, осознает она это или нет, заложенное на уровне генов с целью иметь здоровое потомство. Так вот, Мириам то и дело просила Прошку что-нибудь ей передать, либо же сама подкладывала ему то, что считала необходимым. Один раз даже нежно погладила его по щеке, отчего тот стал похож на абсолютного идиота. Я еще тогда подумал: неужели и я выгляжу так же, когда Яна гладит мое лицо? Еще она запретила ему пить что-то мутно-белое, но довольно приятное на вкус, хоть и слегка дурманящее. Словом, девушка всячески показывала окружающим, что это ее собственность и она никому Проухва уступать не намерена.

Наши новые друзья пили мбаку – так назывался этот напиток – сколько душа пожелает, и дело закончилось танцами при свете огромного костра. В этом мы участия не прини-

мали, но поглазеть было приятно, особенно на танцующих женщин, поскольку одежды на них был славный минимум. Мириам тут же увела Прошку в нашу хижину. Вернее, уехала на нем.

Муимбус подвел ко мне молоденькую танцовщицу и подтолкнул ее ко мне. Красивая фигура и огромные глаза были хорошо заметны даже в отблесках далекого костра. Я приложил раскрытую ладонь к сердцу, затем к голове и развел руками, пытаясь показать, что голова моя занята той, которую любит мое сердце. Вождь хмыкнул, пожал плечами и шлепком пониже поясницы отправил девушку обратно в круг танцующих.

Надо сказать, вид у красавицы был совершенно не разочарованный, и это меня даже немного расстроило. Затем мне пришла в голову другая мысль. Все дело, наверное, в том, что нельзя же радоваться отношениям с женщиной, просто подчиняясь приказу старшего. Должно ведь быть хоть немного романтики, гуляний под луной, красивого ожерелья из сверкающих ракушек, в конце концов. Она же свободная девушка свободного народа. Успокоив себя такими мыслями, я тоже отправился спать.

Войдя в хижину, я первым делом строго посмотрел на Мириам с Прошкой: никакого блуда за своей спиной не допущу. Но волновался я напрасно: Мириам спала, тихая, как мышка, Прошка, устроившись на противоположной от нее лежанке, посапывал, даже не проснувшись при моем прибы-

тии. Засыпая, я думал о том, что неплохо бы получить проводника до ближайшего поселения. Но как озвучить свои пожелания без знания языка и чем заплатить?

Глава 5

Тунлосский язык

Среди ночи я проснулся от шума, доносившегося сквозь тонкие стенки хижины.

Прошка был уже на ногах, заслонив собой дверной проем. Снаружи раздался звучавший на очень высокой ноте визг, а затем рев. Послышались встревоженные голоса мужчин, опять чей-то рык, женские и детские крики. Я выскочил на улицу, привычно держа пистолет в левой руке, потому что правая была занята тесаком – почему-то сейчас он показался мне надежнее шпаги. Слева расположился Проухв с багром, древко которого белело в темноте. Небо хмурилось еще с вечера, и сейчас во мгле можно было разгадать только смутные тени.

Потом глаза немного привыкли к темноте, и предметы приобрели более отчетливые очертания. Понять бы еще, что происходит. На нападение врага вроде бы не похоже. Судя по ситуации, в деревню ворвался крупный хищник. И сейчас зверь метался среди хижин, вызывая всеобщую панику.

– За мной, – коротко бросил я Прошке и кинулся в гущу шума. Встретились мы на полпути.

Что-то огромное прыгнуло на меня, когда я пробежал мимо двух стоявших почти вплотную друг к другу хижин.

И мне оставалось только вытянуть обе руки в ту сторону, с ужасом понимая, что выстрелить я уже не успеваю. Спас меня Проухв, подставив острие своего багра навстречу зверю и стараясь увести хищника в сторону. Зверь приземлился на бок и тут же рывком вскочил на лапы, разворачиваясь. И Прошка вновь сумел повалить его, давая мне мгновение, которое было необходимо для выстрела. Похоже, я попал, потому что хищник дернулся и упал. Ранение оказалось не смертельным, и следующий мой выстрел догнал зверя уже в полете. Наверное, все сложилось бы чуть удачнее, будь в стволах обычный заряд пороха. Но выстрел с полупоршневым зарядом дал такую отдачу, что наведение пистолета на цель после первого выстрела заняло чуть дольше времени, чем было необходимо. Второй мой выстрел тоже не прошел мимо, но все же не смог остановить распластавшегося в прыжке хищника. И тут на его пути снова возник Проухв, держащий багор перед собой на вытянутых руках. Я ударил тесаком по голове упавшего на землю зверя, а Прошка воткнул в него острие своего оружия. Подскочивший Муимбус вонзил в тело все еще дергающегося хищника длинный широкий накопечник копья, провернул оружие, затем выдернул и с криком ударил еще два раза. Все. Тело было неподвижно.

И тут вождь начал ожесточенно пинать мертвого зверя, яростно что-то крича срывающимся голосом, а затем уселся на землю. Его поникшие плечи часто вздрагивали. Из темноты осторожно приблизились несколько человек, один из

них ткнул несколько раз мертвую тушу наконечником копья – тело по-прежнему было неподвижно. Затем туземцы поволокли зверя на расположенную посреди деревни площадку, туда, где еще вечером пылал огромный костер и было так весело.

Утром мы рассматривали мертвого зверя, и он и сейчас внушал страх. Женщины, собравшиеся на площади, боялись подходить к монстру, рассматривая хищника издали и обсуждая ночные события. Да и некоторые мужчины опасались приблизиться к нему ближе определенного расстояния, которое сами же себе и определили.

Несуразно огромная голова с огромными желтыми клыками и короткой черной жесткой шерстью на загривке, куцый голый хвост с кисточкой. Тело с непомерно широкой грудью, покрытое бурой шерстью в рыжих подпалинах... Я не видел такого хищника раньше, а в моем мире их точно не было. Разве что вымерли давным-давно.

В деревне погибли пять человек, еще несколько получили серьезные раны. И среди погибших была мать Муимбуса.

Что понадобилось этому монстру в деревне, ведь он пришел сюда не охотиться? Или у него волчьи повадки? Ведь серые хищники, когда начинают резать беззащитное овечьё стадо, становятся пьяными от крови и не могут остановиться.

Я оглядел тушу. Вот следы от ударов копья вождя, вот – от Прошкиного багра. Здесь – отметина от моего первого вы-

стрела, пуля пробила левую переднюю лапу. От второго выстрела осталась кровавая полоса на лбу, видимо, пуля отрикошетила от лобной кости. Да уж, Проухв, я опять обязан тебе жизнью.

Сам Прошка отделался глубокой царапиной через всю грудь, оставленной когтем зверя, и этой раной он мог гордиться перед Мириам.

Когда девушка обрабатывала ему рану, то посадила его на лавку, но даже в таком положении возвышалась над ним едва ли на голову. Она хлопотала вокруг него, приговаривая: «Букашечка мой», – а Прошка откровенно млеет. И вид у него был такой, что он готов один выйти на этого зверя, лишь бы все это повторилось. Затем их идиллия закончилась, потому что Мириам потребовала, чтобы «букашечка» снял штаны – надо было осмотреть раны и там. Тут я тактично вышел.

Объясниться с Муимбусом мне удалось достаточно легко с помощью жестов и рисунков на земле. Он уже не выглядел таким весельчаком, каким был еще вчера, и совершенно не обращал внимания на то, что люди видят, как он рыдает, горя о погибшей матери.

А я сидел и думал о том, что зря мы вбили себе в голову, что умнее этих дикарей. И пусть сидящий передо мной человек не знает, что Земля имеет форму шара, что существуют такие науки, как генетика или астрофизика, что есть на свете множество неподвластных его сознанию других вещей, зато все его знания сопряжены с навыками и умениями. А вот,

например, моя голова забита массой ненужной информации, которая никогда мне не пригодится. Так кто же из нас ущербен?

И разве он не умеет любить или страдать, не умеет определить, что один человек трус, другой негодяй, а третьему можно доверить свою жизнь? Он не меньше нашего, а может быть, и больше, способен восхищаться красотой женщины, любоваться пламенеющим закатом и ощущать, как замирает сердце и на глаза наворачиваются слезы при взгляде на своего только что родившегося ребенка, которого он взял на руки...

Муимбус дал нам людей для сопровождения. Мы отправились на двух лодках – утлых суденышках с каркасом из жердей, обтянутых чьей-то толстой кожей и называемых бароси. Прошка, усевшись в одну из лодок, боялся даже пошевелиться, потому что от края борта до воды расстояние было совсем невелико, всего несколько сантиметров. Но мы в полной мере оценили малый вес суденышек, когда пришлось тащить бароси на волоках. К вечеру четвертого дня пути, оставив лодки на берегу большого озера (к слову, на то, чтобы перебраться через него, у нас ушел чуть ли не весь световой день), мы поднялись вслед за нашими проводниками на высокий холм.

Мы увидели бухту с возвышавшейся посреди входа в нее одинокой скалой. На берегу бухты расположилось селение, я бы сказал, весьма немаленькое, больше похожее на городок.

На одном из мысов был выстроен форт.

Особенно порадовало то, что у причала и на водной глади залива виднелось несколько кораблей, и среди них были даже двухмачтовые.

– Нгбочи аика, – указывая рукой на селение, произнес один из проводников, у которого на боку сейчас красовался мой тесак, похожий на мачете. Да, в благодарность за услуги и гостеприимство мы отдали туземцам многие из имеющихся у нас вещей, даже Прошкин багор, взамен которого, кстати, Проухв получил во временное пользование копье.

Помню, я даже хохотнул, представив следующую картину. «Я граф Артуа де Койн, – обращаюсь я к владельцу парусника, на котором буду рассчитывать добраться до Гостледера. – Да-да, тот самый де Койн, горячо любимый жених ее императорского величества Янианны I. И только нелепое стечение обстоятельств вынуждает меня расстаться со многими дорогими моему сердцу вещами, которые я хочу предложить вам в уплату за проезд, такими как: котел, мешки, сшитые из парусины, иглы для штопки паруса. Прошкин багор и даже пинетки, изготовленные из голенищ его ботфорт...»

Пытаясь отогнать от себя ненужные мысли, я поинтересовался:

– Нгбочи... чего?

– Большая деревня, ваша светлость, – сказала Мириам.

Я с нескрываемым любопытством посмотрел на нее. Она что, знала их язык и молчала? Небось у Проухва таким ве-

щам научилась.

Мириам смутилась под моим взглядом:

– Там, откуда я родом, тунлоси много. Тунлоси – это они сами себя так называют.

Теперь понятно. Видимо, и в тебе есть толика крови этого народа, вон ты какая смуглая. Только почему же ты молчала, девочка?

– Я бы сказала, если бы услышала, что они задумали что-нибудь плохое, – сказала она в ответ на мои мысли.

– А о чем они вообще говорили?

Тут Мириам окончательно смутилась и даже слегка покраснела.

Можешь ничего не говорить, и так все понятно. То-то ты частенько выглядела смущенной и в деревне тунлоси и по дороге сюда. И правда, о чем ей было рассказывать? О том, что мужчины обсуждали достоинства ее фигурки или вовсе предавались эротическим фантазиям, глядя на нее? Разве что пожаловаться: «Ваша светлость, они мечтают о том, что-бы...»

Да уж, Прощке совсем бы не понравилось услышать такое. А выдать аборигенам свое знание языка было бы не совсем умно.

Помню, когда я впервые попал за границу и шел по улице чужого города в компании таких же молодых парней из нашего экипажа, как и сам, мы в полный голос обсуждали идущих нам навстречу девушек. И...

Так, Артуа, не время сейчас предаваться воспоминаниям. Вот состаришься, времени свободного много будет, тогда и займешься мемуарами. Сейчас нам еще часика три пешочком идти до порта, а светило уже к закату движется.

Мы сердечно попрощались с нашими проводниками, а Мириам на прощание что-то пролепетала им на тунлосском языке, весьма смутив этим наших временных спутников. Я смотрел вслед этим людям и размышлял об их контактах с внешним миром. Нет, они не чураются чужаков, это очевидно. У них есть металлические изделия, одежда сделана из ткани. Вот только берут они самое необходимое, то, чего не могут произвести сами. Все остальное дает им природа. И они, наверное, счастливы.

В городок мы входили уже почти в полной темноте. Оно и к лучшему, вид у нас тот еще.

Таверну нашли сразу же, типичное для подобных заведений двухэтажное строение. На первом этаже зал, где есть что откусать и испить, а на втором комнаты для господ постояльцев. Вот туда мы и решили направиться, но для начала нужно было подбить бабки, в смысле, прикинуть, сколько у нас денег и на что нам рассчитывать. Но, как оказалось, подбивать было особо нечего. У Прошки денег нет совсем, и об этом позаботились еще на борту катласа, а у меня имелась одна-единственная золотая монета – многоугольник с квадратным отверстием посередине. Такие в ходу в герцогстве Эйсен-Гермсайдр, там, где несколько лет назад меня произ-

вели в дворянство. С тех пор я и берег монету, быть может, как раз для такого вот случая.

Она хранилась в потайном кармашке пояса, который я схватил со стола капитана «Любимца судьбы» помимо пистолета и шпаги. На том столе лежал еще и мой перстень, подарок Янианны, а также немало принадлежащих мне монет из благородного металла. Но времени забрать свои «сокровища» у меня тогда попросту не было. Так что теперь нам оставалось лишь надеяться, что единственной монеты хватит на самые неотложные нужды, а уж потом как-нибудь разберемся.

– Ваша светлость, – окликнула меня Мириам.

– Что это? – спросил я, глядя на маленький узелок, лежавший на ее ладошке.

Мириам зубами развязала узел и протянула мне несколько тускло блеснувших серебром монеток.

Проухв, даже не думай ревновать! Да, я обнял эту девушку и поцеловал ее в щеку. А чем еще я могу ее отблагодарить? Разве что поцеловать ей руку.

И не надо смущаться, Мириам, потому что скоро это будут делать очень часто. Прощка станет дворянином, и тебе придется бывать в императорском дворце даже чаще, чем ты сама захочешь. И Янианне ты обязательно понравишься, и она совсем не будет меня к тебе ревновать, потому что она умная девочка и все поймет, особенно после того, как я ей все расскажу.

В таверне, в названии которой я понял только второе слово – «раковина», комната для нас нашлась, просторная и чистая, с необходимой мебелью и мягкими кроватями. Мы поужинали у себя, заказав блюда, от которых уже успели отвыкнуть.

Утром Проухв сходил на ближайший базарчик и купил нам шляпы, кое-что из одежды, а также сапоги для меня и обувь для Мириам. На этом мой золотой закончился, а серебряные монетки Мириам я стал бы тратить только под страхом голодной смерти.

Строго-настрого приказав девушке запереть дверь изнутри и никуда не выходить, мы с Проухвом отправились в порт. И удача, как солнышко, улыбнулась мне с самого утра. Капитан и владелец первого же торгового судна пошел мне навстречу. Мы с ним поговорили, нашли в Империи много общих знакомых, в том числе и Крилла Броунера, продавшего мне «Лолиту», и даже Герента Райкорда, управляющего всеми моими делами. Я достаточно честно рассказал ему о своих злоключениях, заверил, что в Гостледере покрою все его издержки, и дело было решено. Нам повезло, что отправляться купец думал в этот же день, после того как последние матросы из его экипажа, загулявшие на берегу, прибудут на борт.

Представляясь хозяину, я ляпнул имя, которое первым пришло в голову, – граф д'Артаньян. Ляпнул осознанно, потому что купец, часто бывая в Империи, был в курсе импер-

ских событий, а значит, не мог не слышать о де Койне. Купцы – народ во всех отношениях смекалистый, недаром же раньше почти все они были шпионами, а уж потом им на смену пришли дипломаты. Да и не все ли равно судовладельцу, как зовут его пассажиров, если в Гостледере я с ним расплачусь, еще и накину сверх оговоренного. Ни к чему это, чтобы он болтал везде и всюду, что видел жениха ее императорского величества непонятно где и неизвестно в каком виде.

Настроение было прекрасным, и всю обратную дорогу я подшучивал над Прошкой, убедив его в том, что теперь ему придется изображать из себя графа, поскольку капитан категорически отказывался принимать на борт меньше двух дворян. Проухв при нашем разговоре не присутствовал и поэтому, поверив, пыхтел.

В таверне я постучал в дверь нашей комнаты оговоренным стуком и замер, ожидая услышать звук отодвигаемой щеколды. Подождав немного, я толкнул дверь, которая неожиданно свободно открылась. Комната была пуста.

Глава 6

Два капитана

Мы прождали полчаса, час – время позволяло, но Мириам не возвращалась. Сбежать она не могла, что-то здесь не так. Да и куда ей было идти в городишке под названием Агуайло, где она очутилась впервые?

На Прошку было больно смотреть.

– погоди, Проухв, еще не все потеряно. Мириам не сбегала, это точно, – утешал я его. – Посуди сам: перед тем как уйти, она тщательно заправила постели и навела в комнате порядок. – Вчера, после ужина, у нас не оставалось сил на то, чтобы убрать за собой, и мы просто рухнули на кровати. И даже самодельную обувь из голенищ девушка аккуратно поставила возле выхода, хотя самое место этим пинеткам было на помойке. – Ну не может она так поступить, отдав несколько монеток, единственных, которые у нее были. Не может, Проухв.

Время близилось к полудню, и ждать дальше смысла не было.

Спускаясь со второго этажа по лестнице, я остановился и обратился ко всем присутствующим в зале:

– Господа, с нами была девушка. Может быть, кто-нибудь видел, куда она пошла? – Я многозначительно побренчал за-

жатыми в кулаке монетками Мириам, нашими последними деньгами.

Наверное, по нашим лицам было видно, что для шуток вроде тех, что девушка нашла себе более достойных кавалеров, сейчас не самое подходящее время. Поэтому ничего такого мы и не услышали, хотя публика в таверне была та еще – моряки, больше смахивающие на пиратов, по которым давно и с тоской плачет пеньковая тетушка.

Пошли, Прошка, быть может, в городе удастся что-то узнать.

Мы завернули за угол таверны, поднялись по нескольким каменным ступеням и оказались на центральной улице Агуайло. Многие приморские городки поднимаются от моря уступами, и этот не был исключением. Так, если идти по этой улице, то мы упремся в здание ратуши, точнее, попадем на площадь перед зданием. Только нам так далеко не нужно, для начала отправимся на рынок, туда, где утром Прошка покупал обувь и одежду: обычно женщин в такие места как магнитом тянет, может быть, и с Мириам это произошло. Все равно ничего другого в голову не идет. В конце концов, не бегать же по улицам с озабоченным видом, приставая к прохожим с вопросом: «Вы не видели девушку? Сейчас я вам расскажу, как она выглядит». Да и мало кто нас поймет, местный язык отличается от общеимперского.

– Господин! – окликнул меня кто-то. – Подождите, господин.

Обернувшись, я увидел одного из посетителей таверны. По-моему, это он стоял перед стойкой, с надеждой заглядывая в лицо «бармену» и одновременно хозяину заведения.

Догнавший нас тип ничего, кроме чувства брезгливости, не вызывал. Да, я и сам выгляжу не лучшим образом и одет не в самый хороший свой наряд, но хотя бы рожу можно было с утра умыть?

Я кивнул: повествуй.

– Вы спрашивали о той девушке, что была с вами вчера?

Нет, ту девушку я давно выгнал, за ночь успел поменять еще пятерых, и вот последняя меня как раз и интересуется.

Сомнительного вида тип вопросительно посмотрел на меня, рассчитывая на обещанное в таверне вознаграждение. Получишь ты свои деньги, обязательно получишь, главное – не пытайся нас развести. Так что сначала профилактика. Я взглянул на Прошку, и тот мгновенно все понял. Проухв согнулся в три погибели и посмотрел незнакомцу в глаза.

Вообще-то он человек добродушный, но, когда это необходимо, может посмотреть так, что человек неподготовленный сразу и не сообразит, что у него случилось вначале, а что потом: дизурия или диарея.

Этот, видимо, жизни хлебнуть успел и поэтому всего лишь начал слегка заикаться.

На всякий случай Прошка встал в шаг позади него. Так мы могли контролировать пространство за спиной друг у друга.

– Ее Д-джоуг в кости в-выиграл, – выпалил тип из таверны.

Сначала я не понял смысл его слов, даже головой помотал. Кто кого в кости выиграл, нашу Мириам кто-то выиграл в кости?!

– Б-бертоуз ему все деньги проиграл, и тут к-как раз вы в таверну в-вошли. Он и с-сказал ему, что с-ставит на ту к-красотку, что с этими оборванцами пришла. С в-вами, т-то есть. – Рассказчик опасливо втянул голову в плечи, оглядываясь на нависшего над ним Прошку.

Вот это да. Наверное, я был готов ко всему угодно, но только не к такому повороту событий.

– Как он попал в комнату? – спросил я первое, что пришло в голову.

– К-как это – как? – похоже, что он даже удивился. – Н-ножом з-задвижку отодвинул...

– А почему сразу не сказал, еще в таверне?

– Т-так Джоугу могут передать, м-мало ли, – с опаской протянул он.

– На, держи, – сунул я ему в руку одну монетку, хватит с него.

И не потому, что я такой скупой, нет. Будь у меня золото, ты бы уже прыгал от радости. Просто это одна из четырех монет Мириам, потерятых до такой степени, что они потеряли всякий вид. Она отдала все, что у нее было, а не взять было нельзя, потому что она так смотрела при этом... И я не

собирался их тратить, потому что...

«Все, хватит, еще расчувствоваться не хватало», – оборвал я себя.

Мы шли в порт скорым шагом. Бертоуз и Джоуг – это не имена, это клички, здесь у всех они есть, и у человека из таверны – тоже. Прозывался он Черуст, что значит «шустрый». Это он напоследок нам представился, сказав обращаться в случае чего. «Теперь, благодаря Прошке, ты из Черуста станешь Тригом, в смысле заикой», – усмехнулся я.

Бертоуз с Джоугом не шпана какая-нибудь, владельцы судов. Они берут фрахты, не чураются контрабанды, да и каперством, если есть возможность, не брезгают. И команда у них подобрана соответствующая. Это нам Черуст в качестве бонуса поведал. А нас всего двое, и что-то мне это обстоятельство особого оптимизма не внушало.

– Господин д'Артаньян! – окликнули меня с палубы корабля, мимо которого мы проходили.

Так, это же хозяин судна, на котором мы должны были отправиться в Гостледер. Совсем из головы вылетело.

– У нас все готово к отходу, только вас и ждем.

Прошка замедлил шаг.

Ты что, верзила тугоумный, мог обо мне подумать, что я вот так брошу все и отправлюсь в Гостледер? Похоже, ты не понимаешь, что мне даже не наплевали в душу, мне в нее нагадили? Нет, Прошка, все не так просто. Умные люди говорят, что если сам себя не уважаешь, то и другие тебя уважать

не будут. А после всего этого я не смогу спокойно жить. Мы найдем ее, обязательно найдем. И не вздумай даже спрашивать у Мириам, что с ней случилось после того, как ее украли. Потому что мы сами виноваты в этом, ты и я. Два здоровых мужика не смогли уберечь одну девушку.

Я остановился:

– Господин капитан. Обстоятельства сложились таким образом, что я вынужден задержаться здесь еще на неопределенное время. Прощайте и попутного вам ветра.

Я отсалютовал шляпой и пошел дальше.

Не до тебя мне сейчас, честное слово. Вот он, «Укротитель бурь» Бертоуза. Только не слишком ли громкое название для такой посуды? Ее впору «Дырявой калошей» назвать или «Гнилой лоханкой». И капитан этого плавучего куска дерьма проиграл в кости нашу Мириам?!

Поднявшись по трапу на борт, мы остановились, оглядывая судно. Здесь воняло смесью протухшего рыбьего жира, какими-то гнилыми тряпками и еще чем-то непонятным, но весьма и весьма омерзительным. Несколько человек возилось у противоположного борта, их было почти не видно из-за прикрытых тентом тюков, сваленных кучей между мачтами корабля. Плавучего куска дерьма, я хотел сказать.

Так, Артуа, корабль ни при чем, это люди довели его до такого состояния.

На нас обратили внимание сразу же. Подошел человек, не принимавший участия в починке, а просто наблюдавший за

работой, и усталился на меня.

– Позови Бертоуза, – меняхватило только на два эти слова. Хотя Бертоуз мне был не особенно нужен, меня интересовал Джоуг, капитан «Ажганда гес», человек, выигравший Мириам в кости. Только не нашли мы «Ажганда гес», не знаю, как переводится это название, и единственное что приходило в голову – так это: «Еще один плавучий кусок дерьма».

– Господин Бертоуз отдыхает и велел его не беспокоить, – заявил подошедший к нам человек, выделив интонацией слово «господин».

– Так передай своему господину, что я велел ему поднять свою задницу и тащить ее сюда. – Меня рвало на части изнутри, и я ничего не мог с собой поделать.

Глаза моего собеседника расширились, ноздри гневно затрепетали, и я нетерпеливо дернул плечом. Мелькнула Прошкина рука, человек по воздуху пролетел несколько шагов, врезался в кучу тюков и сполз на палубу. Он застыл неподвижно, только левая нога его едва заметно дергалась.

Раздался свист, и мы оказались окружены восемью матросами корабля, вооруженными чем попало. Они негромко переговаривались, решая, сразу ли выкинуть нас за борт, или все же подождать приказа. Наверное, мы не производили на них никакого впечатления. Два человека в потрепанной одежде, один из которых даже не вооружен.

– Ты. – Мой палец наугад ткнул в одного из них. – Позови

капитана.

Тот сначала дернулся, затем, посмотрев на остальных, снова застыл в самой независимой позе.

– Что здесь происходит? – раздался голос подходившего к нам человека. Судя по реакции остальных, это и был Бертоуз.

– Мне нужен Джоуг. Где я могу его найти? – заявил я вместо приветствия.

Капитан посмотрел на меня, по всей вероятности что-то прикидывая в уме. Ты должен был нас запомнить, должен. Глупцом ты не выглядишь, и, перед тем как поставить Мириам на кон, ты прикинул все возможные последствия. А для этого ты сначала внимательно нас рассмотрел, вряд ли ты был настолько пьян, что просто указал на девушку пальцем. И да, на берегу нет никакой опасности, нас двое. Мы не привели с собой ни моих людей, ни солдат городской стражи. Да и что бы дало мое обращение к властям? Мне пришлось бы представиться, объяснить ситуацию, пригрозить, в конце концов: Империя – держава могущественная. И что дальше?

В таких небольших городках обычно круговая порука. Каждый чей-то сват, брат, деверь или свояк. А Бертоуз и Джоуг местные, это я знал от Черуста. И мне бы сочувствовали, сокрушенно кивали головой: мол, надо же такому случиться. А в глубине души злорадствовали или смеялись.

Подумаешь, девчонка пропала. Может быть, она сама сбежала. А что, вполне может быть, кто знает, что у них в голо-

ве, у этих малолетних шлюх. И не станет же Империя затевать войны с Монтарно из-за какой-то рабыни, пусть и бывшей. Да и далеко она, эта Империя. А Бертоуз и Джоуг здесь, рядом, да к тому же они соседи и родственники.

Пришли бы мы вместе с кем-нибудь из представителей городских властей или стражи. И сделал бы Бертоуз изумленное лицо: знать не знаю и ведать не ведаю ни о каких девицах. Затем встретились бы они снова, и вот тут началось бы самое интересное.

– Помнишь того дворянчика, с которым мы к тебе приходили? – спросили бы у него.

– Конечно, помню. Я еще у него девчонку упер, как нельзя вовремя она подвернулась, – немедленно откликнулся бы Бертоуз.

– Ну так слушай самое интересное. Он, оказывается, жених самой императрицы Янианны!

– Да ты что?! Ха-ха-ха!

Я даже зубами скрипнул, представив всю эту картину.

«А ты правильно делаешь, Бертоуз, что в глаза мне смотришь. Ведь чтобы оценить человека, именно туда и нужно смотреть, а не на его одежду или пальцы, считая количество перстней».

– Вы оскорбили моего матроса, – услышал я вместо ответа на вопрос.

Вот, значит, как! А ведь тебе никто не мог об этом сообщить. Получается, что ты сам это видел и появился здесь

лишь тогда, когда посчитал нужным. И заспанном ты не выглядишь. Ну-ну.

Кстати, оскорбленный Прошкой человек пришел в себя. Он открыл глаза, еще подернутые мутной пеленой, и посмотрел по сторонам, пытаясь понять, где находится. Да здесь ты, здесь, на этом свете пока что. И Прошке в ноги поклонись за то, что он такой добродушный малый.

– И что теперь?

– Это мой корабль, и вы стоите на его палубе, – на редкость спокойным тоном заявил Бертоуз.

– Да, и ждем немедленного ответа на свой вопрос.

– Нанеся оскорбление моему человеку, вы нанесли оскорбление мне.

Вот даже как? Так ты попроси, я и напрямую это сделаю, без посредников.

Бертоуз продолжил:

– Конечно же, я мог бы приказать своим людям выбросить вас за борт, но, как мне кажется, это будет уроном для вашей чести, господин...

– Артуа де Койн, граф.

Сейчас был не тот случай, чтобы прикрываться вымышленным именем.

– ...господин граф. Так вот, я предлагаю встретиться в поединке.

– Как я должен вас назвать, господин Бертоуз: подлецом, негодяем, мерзавцем, стуимом, чтобы это произошло неза-

медлительно?

Меня продолжало рвать на части. Вот мы стоим и спокойнo разговариваем, а может быть, именно в этот момент...

Бертоуз поморщился, услышав слово «стуим». Ну вот, зря я беспокоился, что оно ему незнакомо. За время моей жизни в этом мире был один эпизод, когда я несколько дней провел в темнице. Так вот, там я и узнал значение слова и даже увидел тех, кого так называют.

– Но не все так просто, господин граф, не все так просто. Если вы рассчитываете, что вам понадобится вертел, что висит у вас на боку... Нравы у нас простые и поэтому использовать можно только то, что нам дано от рождения.

Это на кулаках, что ли? Да с превеликим удовольствием, потому что почувствовать кулаком твое лицо мне будет еще приятнее, чем проткнуть шпагой.

– Я согласен, господин Бертоуз. Заранее согласен на все возможные ограничения, даже не зная о них.

Он удовлетворенно кивнул головой.

– И самое последнее. Наши законы позволяют выставить вместо себя человека, если самому выйти на поединок невозможно.

С этими словами Бертоуз поднял левую руку на уровень плеча, показав, что у него осталось всего три пальца: большой, указательный и мизинец.

– И поэтому вместо меня выйдет... – Он замолчал, оглянулся на своих людей и произнес: – Грюил.

Грюил появился откуда-то сбоку, и я невольно вздрогнул. Нет, не потому, что он был огромен, хотя и поэтому тоже. Просто до этого момента я его не заметил, а это было поразительно при его размерах. Грюил был немного выше Проухва, а вот в остальном... Руки с огромными кулаками, висевшие ниже колен, мощная грудь, далеко выступающие вперед надбровные дуги, низкий покаты́й лоб... Какой, к черту, Грюил, это же натуральная горилла!

Как мне показалось, теперь Бертоуз смотрел на меня слегка насмешливо. Давай, мол, выставляй теперь своего человека. Только чего же ты сам тут пучил глаза, стараясь показать, что тебе море по колено.

И что мне теперь было делать? Бертоуз ясно показал, почему он не может выйти сам. Сморгнуть, что ли, лицо и со страдальческим видом заявить, что в последнее время меня замучили почечные колики?

Прошка смотрел на меня с ожиданием, и мне оставалось только хлопнуть его по плечу:

– Знаешь, Проухв, если бы дело было только в размерах, то хищники давно передохли бы с голоду или стали падальщиками. Я не тигр, Прошка, и не лев, но и не овца. И мне очень хочется в это верить.

Глава 7

Атэми противоположных сил

Пока мы шли к месту, видимо давно уже используемому для подобных целей, Прошка все продолжал на меня поглядывать и, наконец, не выдержал:

– Командир. – Он в первый раз назвал меня так, хотя остальные мои люди давно уже обращаются ко мне подобным образом. А что, слово это мне нравилось больше, чем всякие там «ваши милости» или «светлости». Я сам и предложил себя так называть, дело еще в Золотом каньоне было. Но от Проухва я его еще не слышал. – Может быть, все-таки я?

Нет, Прошка, нет. Взялся за гуж, не говори, что не груздь. Кажется, что-то не то. Или полезай в кузов, как там правильно? Вот водички испить не помешало бы. Во рту пересохло. А менять что-нибудь уже поздно, да и незачем.

Давай вот посидим на перевернутой лодке, отдохнем да с мыслями соберемся. Что-то лодки интересно здесь лежат на песочке, образуют круг. Видимо, так границы ристалища обозначены, ну да черт с ними.

А народ все прибывал. Еще бы, бесплатное развлечение. По дороге сюда мы слышали разговор обогнавших нас людей:

– Грюил опять кого-то калечить будет, говорят, кто-то из благородных.

Эх, знали бы вы, парни, что благородства во мне не больше, чем в вас. Моему благородству еще и четырех лет нет.

Я хлопнул Прошку по колену, поднялся и пошел в центр круга. Пора. Вон уже и Грюил руками машет, приветствуя зрителей и крутя рубахой над головой.

Ты какого черта вообще ее носишь с такой шерстью-то? Глядишь, за свою жизнь столько бы денег сэкономил. Хотя, если посмотреть на это с другой стороны, так только одежда тебя с людьми и сближает, горилла ты эдакая.

Так, ну и что мы здесь имеем? Солнышко высоко в зените, оно не помощник. Песку под ногами много, но этого делать нельзя, как и пальцами в глаза залезть. Не благородно это, да и зрители не поймут.

Как там брат Бронса – Дерк, мой первый учитель фехтования из этого мира, говорил: «Держи дистанцию, дистанция – это твое»?

Да легко, сифу, правда, фехтовать на этот раз мне нечем. Вот бы на твоих родителей посмотреть, Грюил. Поди, сами ужаснулись, что тебя такого на свет произвели. Чему ты там удивляешься? Я всегда улыбаюсь, когда мне не по себе, натура у меня такая. Нервное это, нервное.

И мы сошлись. Нет, мой джеб не стал медленнее, что удивительно, ведь столько времени мне было не до него. В этом мире у мужчин совсем другие игрушки, железные. Только

толку от него оказалось ноль, Грюил даже не поморщился. А если так? Ребром ступни в прыжке, чтобы всем весом, в голеностопный сустав. Ну имей совесть, хоть похромай чуть-чуть. Или вот еще, мое любимое: основанием ладони в пень да с поворотом корпуса? В боксе такого нет, удар открытой перчаткой получается. Всегда помогало. Эх, опять не то.

Вот теперь было самое время набрать полные руки песка, да и ртом можно, благо тянуться не надо, земля оказалась перед самым носом. В голове разорвался заряд динамита, того самого, что Капсом обещал в самом скором времени довести до ума, и окружающий мир словно распался на куски. Но встать все равно нужно, а как не хочется. Не будет тут никто до десяти считать, и не потому, что считать не умеют.

Меня шатало. Голова была словно из двух оболочек, и внутренняя постоянно задевала о внешнюю, а это очень больно. Нет, ну до чего же он быстр, я ведь даже его движения заметить не успел.

Ты где, Грюил, хоть голос подай, чтобы мне суметь сориентироваться. Так, сейчас или никогда, другого шанса у меня больше не будет.

Верзила упал на колени, тоненько воя от боли, поддерживая левой рукой правую, неестественно изогнувшуюся в локте. Что ж ты так воешь, я же тебя не кастрировал? Вроде раньше с голосом у тебя все в порядке было, говорил, словно в большой барабан бухал.

Сам виноват: захотел меня в грудь толкнуть. Лучше сделал бы, как в прошлый раз, когда человека с переломанным хребтом унесли с места боя на руках: поднял бы над головой и бросил спиной на лодку. Я ведь об этом случае сейчас сам слышал, когда с духом собирался.

Понимаешь, когда рука полностью выпрямлена, не нужно даже слишком много усилий прикладывать. Достаточно синхронно ударить по локтю и запястью. Японец сказал бы в этом случае: атэми противоположных сил. И, в конце концов, ты же не бойцовский пес, чтобы совсем боли не чувствовать.

А руку тебе лекарь живо на место вправит. Постарайся локтем ни до чего не дотрагиваться, даже слегка, ни сейчас, ни потом. Иначе опять очень больно будет.

Тут бы мне самое время искупаться в овациях зрителей, но у меня все никак не получалось сфокусировать зрение на расплывающихся вокруг предметах.

– Где Джоуг? – нашел я наконец взглядом Бертоуза.

Тот молча указал в сторону моря. Почти на самом горизонте виднелось пятнышко паруса.

«Судя по расстоянию, «Ажганда гес» вышла в море часа три назад, еще до всех последних событий», – вычислил я после минутного раздумья.

– Куда? – вопрос получился слишком кратким, но Бертоуз меня понял.

– В Ривеньеру.

– Я тебя еще найду, – сказать мерзавцу, что он за все ответит, не было никаких сил. Больше всего хотелось упасть на песок и лежать, лежать. И еще хотелось пить. Но больше всего хотелось сдохнуть.

Подошел Прошка и под руку увел меня к лодке. Так приятно было сесть и прижаться спиной к ее борту. В руке у меня оказалась бутылка, и я прямо из горлышка попытался отхлебнуть хотя бы пару глотков. Со второй попытки это удалось.

– Спасибо, Проухв. – Не глядя, я протянул бутылку назад.
– Я тоже рад тебя видеть, Артуа, – услышал я в ответ смутно знакомый голос. – В добр...

Видимо, человек хотел сказать: «В добром здравии», – но посмотрел на мое опухшее лицо и закончил:

– Даже в таком виде.

Когда я резко повернул голову на голос, оболочки в голове опять встретились, и стало больно так, что даже в глазах потемнело. Но все же я успел заметить, что голос принадлежал моему давнему хорошему знакомому Фреду фер Груенуа.

– Ты как здесь? – спросил я его, не открывая глаз, потому что так меньше кружилась голова и почти не подташнивало.

Фред что-то ответил, но его слов мне разобрать не удалось, потому что в это время я сжал голову руками от приступа резкой боли.

– А где твоя «Мелисса»?

– Недалеко. Пойдем?

«Хорошо иметь при себе такого здорового парня, как Прошка, – думал я. – Потому что уже в который раз он несет меня чуть ли не на руках. И ладно бы я хоть раз перебрал, так нет. Все в какие-то истории влипаю».

– Фред, ты должен мне помочь. – Язык еле ворочался, но друг меня понял.

– Кто бы мне самому помог, – чуть слышно пробормотал он, но потом сказал: – Все что угодно, де Койн, все что угодно.

– Фред, мы обязательно должны догнать вон тот корабль. – Я указал рукой на парус, все еще видимый на зеленоватой глади моря. – Там девушка, и ей очень плохо.

Взгляд приобрел резкость и заметил человека, который с любопытством меня разглядывал.

А, это вы, господин владелец корабля, на котором я чуть не стал пассажиром. Что же вы тут делаете, ведь вы должны были выйти в море уже пару часов назад? Понятно, нет еще здесь кинематографа, так что развлечений маловато. И не смотрите на меня так. Что с того, что я не назвал вам настоящего имени? Хотя, признаю, д'Артаньян из меня получился паршивый.

Когда мы подошли к причалу, я все же нашел в себе силы пошутить:

– Господин граф, почему-то я думал, что критнеры выглядят несколько иначе.

Когда мы последний раз встречались, Фред хвалился, что

скоро со стапелей сойдет его новый корабль, критнер. Эту же скорлупку с одинокой мачтой и почти параллельным воде бушпритом критнером никак не назовешь. Роднило корабли лишь то, что оба они назывались «Мелиссой».

Фред лишь развел руками, и лицо его при этом оставалось совершенно серьезным. Где же ты пропадал все это время с нашей последней встречи? Ведь почти три года с той поры минуло. Не было тебя в Империи, я интересовался, и мне сообщили бы сразу, если бы ты вернулся. Но ничего, будет у тебя новый корабль, это я тебе обещаю. Да такой корабль, что ты влюбишься в него с первого взгляда. Вот только, может быть, не стоит снова называть его «Мелиссой»? Потому что корабли наследуют вместе с названием свою судьбу.

И ничего, граф Фред фер Груенуа, что твой корабль будет железным. Ведь ты от этого не станешь деревянным, тебе это уже не грозит. Зато он будет винджаммером – «выжимателем ветра», самым быстрым в парусном флоте, а это как раз для твоего характера.

Не смотри на меня так, я улыбаюсь, потому что одну историю вспомнил. Ты о ней знать не можешь, потому что она в моем мире произошла.

Представляешь, семимачтовый парусный корабль, самый большой из всех когда-либо построенных парусников, где каждая мачта называлась по дню недели – понедельник, вторник, среда... Да где тебе такое представить, другой у вас тут календарь. Но дело не в этом. Названия корабля я не

помню, а это очень важно. Потому что назывался он именем писателя, автора «Пятница, тринадцатое». Так вот, погиб он, этот корабль, разбившись о скалы. Погиб именно в пятницу, тринадцатого числа. Только не спрашивай, почему я это вспомнил, я и сам не знаю.

– Ба, да это же Бронс! Бронс, я недавно о тебе вспоминал! Фред, а где же остальные твои люди? Их же у тебя человек пятнадцать было, и все бойцы не из последних. А тут одни незнакомые лица, их и дюжины-то не наберется.

Ладно, все потом. Можно я вот здесь прилягу? Так хорошо становится, когда ляжешь и глаза закроешь. А все вопросы к Прошке, он, когда хочет, может быть отличным рассказчиком...

И еще, в любой другой ситуации я бы ни о чем и никогда не стал тебя просить. Не люблю быть кому-то обязанным, ненавижу даже. Но сейчас другое дело.

Когда я проснулся, голову все еще разламывало, но уже не так сильно. Хлопали на ветру полотнища парусов, слышался звук разрезаемой форштевнем воды. Так хорошо было лежать, не открывая глаз. Но все же надо вставать.

Фер Груенуа теперь поглядывал на меня несколько поиному. Интересно, что ему там Проухв рассказал? Прошка – парень не глупый, хоть и наивный до ужаса. Не мог он лишнего наболтать. Хотя кто его знает, что именно он посчитал лишним.

Я подошел к Фреду и протянул ему руку:

– Спасибо за то, что не отказал в моей просьбе.

Признаться, я не был уверен в том, что он, невзирая на собственные планы, бросится в погоню за Дроугом после пары моих фраз. Фред ответил не сразу, посмотрев на небо, на паруса, на рулевого... Эта скорлупка настолько мала, что у нее даже не штурвал, а румпель.

– Каюсь, Артуа, поначалу я сомневался, пока мои люди заканчивали починку «Мелиссы». Ведь до Империи так близко, а я очень и очень давно там не был... Но после того как твой Проухв рассказал мне все, я просто не мог поступить иначе.

Интересно, все – это сколько?

– Так что не стоит благодарностей, Артуа. Но ты должен мне пообещать...

– Да все, что в моих силах, фер Груенуа...

– Обещайте мне, господин де Койн, что, когда мы вернемся в Империю, вы обязательно представите меня ее величеству.

Вот так-то. Все – это все, Артуа, и ни словечком меньше. Да и какой смысл был Прошке что-то скрывать?

Помнится мне, что предстать перед императором Конрадом III, отцом Янианны, было мечтой Фреда. Во время последней встречи он сказал мне, что если его экспедиция закончится удачно, его представят ко двору. Не такая уж она и удачная, эта экспедиция, если судить по его просьбе.

– Клятвенно уверяю вас в том, господин граф Фред фер

Груенуа, – несколько напыщенно начал я, – что непременно это сделаю. Непременно. И порукой тому будет мое слово. – Тут мой голос резко изменился. – Только ты даже думать не смей...

Знаю я этого человека, еще тот кобель. Наверное, мы так легко и сошлись тогда, при первой нашей встрече, что явно и почувствовали родственные души.

Янианна будет рада познакомиться с Фредом. Она очень любит слушать мои рассказы о том, что со мной произошло. Не потому, наверное, что я такой блистательный рассказчик. Просто время у них здесь такое: ни телевидения, ни сериалов. И что характерно, не могу я ей врать по неведомой мне причине. А значит, рассказать придется все, и Яна непременно захочет увидеть человека, который так помог мне, когда я совершенно не представлял, что делать дальше.

А в Агуайло я еще вернусь, обязательно вернусь. Остался у меня в нем неоплаченный должок перед господином Бертоузом, капитаном и хозяином «Укротителя бурь».

Глава 8

Блистательный кавалер

Я стоял на корме «Мелиссы», глядя на убегающую вдаль светящуюся полоску кильватерной струи. Корабль шел под полными парусами, но уносил он меня в сторону, противоположную той, где я сейчас хотел бы больше всего оказаться, все дальше и дальше от Яны.

Как она там? Быть может, тоже стоит у окна, вглядываясь в ночь, прислушиваясь к звукам спящего дворца и надеясь услышать мои шаги. Я так люблю нагрнуть внезапно, мне нравится, как выглядит ее лицо в секунды временного замешательства. Очень приятно видеть в ее глазах радость. Потом она напускает на себя гордый и независимый вид: мол, даже и не подходи. Но я-то все вижу...

Подошел Прошка. Когда-то я клятвенно уверял себя в том, что больше никогда я не буду называть его именно так, да вот как-то не сложилось. Вчера нам повезло, повезло обоим. Если бы со мной что-нибудь случилось, он наплевал бы на все правила и обычаи, и показалось бы тебе тогда, Грюил, небо с овчинку. В лучшем случае похоронили бы тебя целого, а не собранного по кусочкам.

– Ваша светлость, – начал Прошка. Ну вот, опять за свое. Смог же вчера, что сейчас-то мешает? Тем более когда по-

близости никого нет. – Шлюпка...

Да, я тоже видел ее, Проухв, и она была очень похожа на ту, что пропала у нас той ночью. Вот только совсем не до нее мне вчера было. Ничего, Проухв, потерпим немного, до того момента, как вернемся в Империю. Там я расскажу Коллайну о том, что произошло со мной в Гостледере, тот с полчаса посидит в кресле, теребя мочку левого уха...

Пройдет несколько дней, и мы все узнаем. Не о том, кто украл нашу шлюпку, нет. Что-то я не слышал, чтобы среди белого дня в Гостледере воровали людей, прибывших туда чуть ли не с официальным визитом. Ну хорошо, среди темной ночи, если быть точным. Я и так знаю уже достаточно много, просто не хотелось затевать всю эту бучу до свадьбы, и дело даже не во мне.

– Иди спать, Проухв. Я еще здесь постою.

Прошка ушел, косолапо переступая по качающейся палубе. Ничего, привыкнешь, глядишь, еще и марсофлотцем станешь.

– Привет, Бронс. Я много раз о тебе вспоминал, и всегда только хорошее.

Глупо спрашивать, что у него с семьей, с мамой, с братом Дерком, с сестрой Тиассой, наконец. Он ушел вместе с Фредом, и его тоже не было в Империи долгие три года.

Ты совсем не изменился за это время, Бронс, разве что стал немного прихрамывать. И еще седина, которой раньше не было. Мне очень приятно было встретить тебя и Фреда,

очень. Но не думайте, парни, что вы будете заниматься тем, чем захотите, когда мы вернемся в Империю. Ну-ну. Вы мне нужны, поэтому вам будет очень нелегко от меня избавиться. Да вы и сами не захотите.

– Артуа, – подошел Фред, и голос у него был встревоженным. – Артуа, необходимо принять решение.

Фер Груенуа был не один, а со сти Молеуеном. Все, что я успел узнать об этом человеке, так это то, что они вместе убежали из изнердийского плена, и то, что он, по словам Фреда, отличнейший навигатор. В эти времена, когда нет ни радаров, ни сонаров, ни спутниковой навигации, ни даже точных и подробных карт, подобный талант очень востребован.

Клемьер сти Молеуен был среднего роста, спокойный и вежливый. Для него у меня тоже найдется занятие, когда мы вернемся в Империю. А там уже, в спокойной обстановке, мы встретимся с тобой, Фред, за большим столом, и ты будешь долго рассказывать обо всем, что с тобой случилось за все то время, что я тебя не видел. Я даже Яну с собой возьму. Нет, мы лучше тебя к себе пригласим. Но все это будет потом.

Сейчас же мне придется решить какую-то проблему, а делать этого совсем не хочется, потому что по-прежнему очень болит голова. И проблема явно не касается навигации, в этом я не помощник.

Здесь еще измеряют скорость судна, бросая за борт какой-нибудь плавучий предмет и отсчитывая время его про-

хождения между отметками на планшире фальшборта с помощью песочных часов, или считают количество узелков на лаг-лине вытравленного за борт корабля лага за определенный отрезок времени. Глубину замеряют с помощью груза, привязанного к веревочке. А расстояние до берега в тумане определяют с помощью судового колокола, вслух отсчитывая, когда послышится эхо. Если слышно раньше, чем прежде, то расстояние уменьшилось и необходимо принимать меры. Да уж, точно, железные люди. И что в этом смысле я могу им предложить? Разве что капитанскую формулу для определения остойчивости судна, если ее здесь еще нет. Надо будет, кстати, поинтересоваться этим вопросом.

Они выжидающе смотрели на меня. Погодите немного, парни. Головная боль то почти не чувствуется, то нахлынет так, что в глазах темнеет. Все, как будто бы немного полегчало. Что же мне всегда именно по голове достается, ведь это и так самое слабое мое место?

Я кивнул: говорите. Лучше бы рукой махнул, слишком уж больно.

– Артуа, дело в том, что отсюда в Ривеньеру можно попасть двумя способами. – Фер Груенуа указал рукой на темнеющие вдаль прямо по курсу очертания невысоких гор. – Здесь начинается Малый Антинельский архипелаг. Большой там, – он махнул куда-то в сторону запада и открытого моря, – но это не важно. Острова архипелага доходят почти до самой Ривеньеры. Так вот, «Ажганда гес» могла пройти

между архипелагом и материком, но могла взять и мористее, оставив гряду по левому борту. Это твоя охота, де Койн, поэтому решать тебе.

– Сами бы вы как поступили?

Фер Груенуа чуть замялся, и свое слово успел вставить сти Молеуен:

– Ваша светлость, в принципе, нет особой разницы в том, чтобы пойти между берегом и островами или выйти в открытое море. В первом случае некоторую опасность может представлять узкий пролив между мысом Висельников и островом Беркера. И идти этим проливом ночью я бы поостерегся. Кстати, морем мы выигрываем время.

Ну и к чему тогда эти вопросы? Тем более еще и время выигрываем. Я уж было открыл рот, чтобы озвучить только что прибежавшую мысль, как сти Молеуен продолжил:

– Не все так просто, ваша светлость. Шторм здесь не редкость. Так что самым логичным решением было бы дождаться утра и идти проливом.

Да что ты заладил: ваша светлость да ваша светлость. Приставка «сти» перед фамилией означает то же самое, что и «фер», то есть указывает на дворянское происхождение ее владельца (правда, многие прекрасно обходятся и без этого, те же Крондейлы, например). Так что можно и проще себя вести. Ладно, потом объяснимся.

– Господа, у нас нет возможности ждать столько времени, поэтому я прошу вас самих решить, каким курсом нам сле-

довать. Полностью на вас полагаюсь.

Голова опять болела так, что каждое слово давалось с трудом.

Артуа, в конце концов, ты должен изменить свое поведение. Ты уже не мальчишка, чтобы бросаться с кулаками из-за каждого взгляда, который показался тебе оскорбительным. У тебя скоро свадьба, ребенок должен родиться, а ты все строишь из себя Робин Гуда, защитника угнетенных. В конце концов, Прошка легко смог бы тебя заменить, и причину такой замены найти достаточно несложно. А вот за него можно было бы не беспокоиться. Снес бы он голову Грюилу, это непременно. Проухв – уникал в смысле физической силы. Я сам видел, как он лошадь на плечах носил, а она весит никак не меньше полутонны. Да и навыков ему не занимать, «дикие» постарались, земной им поклон. Я неоднократно мог в этом убедиться.

Как же моя башня болит, черт бы ее побрал. С Фредом и Клемьером не очень удобно получилось. Они обратились ко мне за решением и доступно объяснили, что выбор должен быть за мной.

Проснулся я от сильной качки и ударов волн о борт корабля, хотя нынешнюю «Мелиссу» Фреда назвать кораблем язык не поворачивается. У нас, насколько я помню, так: военные и парусные называются кораблями, все остальное – суда. Пассажирские суда, ледокольные, научные, да хоть атомные, не важно. А вот «Мелиссу» мне все время хочется на-

звать катером. Ну или яхтой. Хотя каракка Колумба имела в длину всего 25 метров, смешно даже. А остальные корабли его флотилии были и того меньше.

Одно хорошо – голова прошла. Неужели это на перемену погоды такая реакция? Не хочу быть барометром, тем более в этом мире они уже существуют. И показывают так же: буря, штиль. На «Мелиссе», правда, барометра нет.

Я вспомнил, как сти Молеуен втягивал носом воздух, всматриваясь в сторону далекого морского горизонта. Не иначе, как чуял близкий шторм. Тогда почему же они выбрали курс морем, ведь в проливе такого волнения не было бы?

В дверь постучали. Это Прошка.

– Ваша светлость, вас просят.

– Иду, Проухв, иду. Видишь же, я почти одет.

Ветер рвал полы плаща, бросая в лицо грозди соленых брызг. Баллов восемь-девять по шкале Бофорта. Но красиво, даже дух захватывает, когда смотришь на этот разгул стихии.

И Фред, и Клемьер выглядели очень встревоженными. Фер Груенуа говорил, что «Мелисса» прекрасно держит курс, имеет весьма неплохой ход, но боится высоких волн. Ну, не так уж они и высоки, даже голову нет нужды задирать, чтобы увидеть пенистые гребни.

– Ваша светлость, корпус «Мелиссы» дал течь, – вместо приветствия сообщил сти Молеуен.

Так, мне это совсем не нравится.

– Клемьер, вы забыли добавить: господин граф, кавалер ордена Доблести и Славы, обладатель Золотой шпаги и Золотого льва. В общем, для вас и Фреда меня зовут Артуа. Иногда к моему имени можете прибавлять: блистательный.

Фред взглянул на меня и сказал:

– Артуа, положение серьезное.

Да вижу я, вижу. Из-за попавшей в трюмы воды «Мелисса» потяжелела и боролась с волнами с грацией бабушки, измученной радикулитом.

Я взглянул на недалекий берег и указал на него подбородком: каковы шансы?

– Полбочки на три ведра, – услышал в ответ уже знакомое выражение, соответствующее привычному мне «пятьдесят на пятьдесят».

Нет нужды спрашивать, все ли меры приняты для того, чтобы устранить течь. Матросы сделали все, что было в их силах, так что такой вопрос в какой-то степени даже оскорбителен. И пластырь, который лежит, свернутый, на палубе, здесь не поможет: у «Мелиссы» же не пробоины, а расходятся доски обшивки. Поэтому я поинтересовался:

– Всех разбудили?

Глупый вопрос, конечно. На «Мелиссе» аврал, и все пытаются спасти жизнь корабля.

Натура просто у меня такая, шутки шутить, когда вокруг все очень серьезно. Ничего, привыкайте.

Корабль, подгоняемый попутным ветром, держал курс

прямо на берег. Я взглянул на паруса, выставленные поштормовому. Не время сейчас их беречь: или ветер разорвет их в клочья, и тогда мы обречены, или они помогут нам добраться до берега, если их распустить.

Фред взглянул на меня, и я тоже ответил ему взглядом. «Давай, сейчас или никогда».

Берег очень плохой, скалистый, из воды поднимается множество острых камней. Ну что ты будешь делать, опять не везет. А как было бы хорошо оказаться сейчас на желтом песчаном пляже и оттуда наблюдать за буйством стихии. И как проскочить между тех двух огромных камней? Проход слишком узкий.

Раздался треск раздираемого полотнища, и парус затрепетал на ветру многочисленными рваными лоскутами. Нос корабля резко повело в сторону, и Фред, заорав что-то на незнакомом мне языке (впрочем, слова были понятны и без перевода), бросился к румпелю, где и так уже было два человека.

И сердце замерло в ожидании. Сейчас, вот сейчас...

Нам все же удалось пройти между камнями. «Мелисса» со скрежетом задела один из них левым бортом, отчего корабль развернуло лагом к волне и ветру.

– Держись! – вновь проорал Фред, бросая румпель и ухватившись за стойку находившегося рядом фальконета.

«Какое там держись! – успел подумать я, чувствуя, как палуба уходит из-под ног и ухваченный мною впопыхах трос

вырывается из рук. – Только бы не головой...»

Мы стояли на берегу, наблюдая за гибнущим на наших глазах кораблем. Нам удалось достичь такой желанной земли, но помочь «Мелиссе» было уже нельзя.

Голова моя удачно избежала столкновений при полете, болели только ребра. Не знаю, обо что я ими успел приложиться, но кровоподтек получился – будь здоров. Повезло не всем. Один из матросов сломал руку, другой сильно прихрамывал, а еще один неподвижно лежал далеко за линией прибоя, куда мы его унесли. И помочь ему, как и нашему кораблю, было уже нельзя.

Плотной толпой мы стояли на берегу и наблюдали, как волны разбивают «Мелиссу» о камни. Мы – это десять человек экипажа, фер Груенуа, сти Молеуен, Прошка и я.

«Ничего, Фред, будет у тебя новый корабль, обязательно будет, – думал я, глядя на посерьезневшего друга. – Нам бы только отсюда выбраться».

Глава 9

Голубая лагуна

– Я плохо знаком с лодией здешних мест, господин де Койн. – Сти Молеуен произнес эти слова с самым извиняющимся видом. – Но тут поселений нет. Совершенно точно, что люди живут на Гритосе, самом большом острове этой гряды, там даже порт небольшой имеется. Дорога до Гритоса пешком займет несколько дней. Если же мы сумеем перебраться на остров Беркера, то появится надежда сесть на проходящий мимо корабль. На северном его берегу есть якорная стоянка, где корабли иногда встают на ночлег, чтобы не входить в пролив в темное время суток.

Эх, Клемьер, не извиняйся за то, что выбрал именно этот курс. Кто же мог знать, что шторм налетит так внезапно? В конце концов, повези нам, и мы сэкономили бы кучу времени. Проклятый Мерфи, его законы и здесь работают отлично.

Я огляделся по сторонам. На ближайшем камне примостился Прошка, мастера из абордажной сабли и длинного древка свой любимый балот. Проухв критически осмотрел свое творение, далеко отставив руку, несколько раз крутнул самодельным оружием над головой, перехватывая древко, сделал пару выпадов и, усевшись на камень, воткнул балот

в песок рядом с собой.

На берегу готовили шлюпку к дальнейшему путешествию. Она мала, и всех нас вместить не сможет. К счастью, она не разбилась о камни, иначе пришлось бы зарыть в укромном месте и два фальконета – так мы поступили с четырьмя пушчонками с «Мелиссы», которые нереально взять с собой. Помню, казаки ставили фальконеты на свои чайки, давая жару турецкому флоту. Глядишь, и нам эти орудия будут не лишними.

– Значит, так. Доходим до оконечности острова, перебираемся на следующий. Движемся со стороны пролива. Впереди – два человека дозорных, – озвучил я свой план.

Шлюпка перевезет нас за два рейса. А дозор необходим из соображений элементарной безопасности. Без сомнения, потерпевших кораблекрушение моряков (в смысле, нас) спасут, только чем дальше мы будем двигаться на восток, тем больше шансов попасть в рабство. И побываем мы в таком случае на невольничьих рынках Гвартрии. В качестве товара.

Я взглянул на фер Груенуа. Теперь все зависит от него, и то, что Фред остался без «Мелиссы», вряд ли повлияет на его решение. Кораблекрушение – дело случая. Потеря, как говорят у нас, из-за неизбежной на море случайности. Фред мог бы попасть в шторм и по дороге в Империю, и где гарантия, что корпус «Мелиссы» не дал бы течь? Но сейчас другое дело. Идти в неизвестность, удаляясь от родных краев все дальше и дальше... Ему нет необходимости выполнять обе-

щение, ведь обстоятельства слишком изменились.

Императрице, когда вернусь (точнее, если вернусь), я представлю его в любом случае, слово дал. Так что если он откажется, я настаивать не стану. Попрошу у него кое-какие необходимые вещи да немного припасов. Ну и чтобы на другой остров нас с Прошкой перевезли. В Империи Герент Райкорд оплатит Фреду все расходы. Ситуацию, что к управляющему однажды может обратиться незнакомец и попросить разумную сумму, мы с Герентом давно оговаривали. Этот человек просто произнесет определенную фразу, из которой станет понятно, сколько я ему должен.

А мы с Проухвом пойдем дальше, потому что, если однажды выбираешь путь, нужно идти по нему до конца. Оправдать можно все что угодно, даже собственную трусость. Сначала тебя будет мучить совесть, затем ты к этому привыкнешь, а позже станешь считать, что поступил правильно. Конечно, я не могу бесконечно разыскивать Мириам по всему белому свету, но в Ривеньере я побывать обязан. Но какой мы ее найдем, если найдем? Возможно, потухшую, вздрагивающую от малейшего резкого звука и задирающую подол от одного лишь щелчка пальцами. А может, наоборот, наслаждающуюся своим положением и научившуюся не хуже рентгена просвечивать мужские карманы на наличие металлических кружочков?

Фред не отвел взгляда и ничего не сказал. Да и к чему слова? Иногда они бывают только лишними. И на душе сразу

повеселело, хотя я старательно не подавал виду.

На следующий остров мы перебрались легко. Пролив, заросший водорослями, которые были похожи на ламинарии, оказался не очень широким.

На якорной стоянке у северного берега острова никого не было. И не факт, что там кто-нибудь встанет на ночь. Местные мореплаватели должны знать эти места как свои пять пальцев, и им не доставит никаких трудностей пройти здесь даже ночью. Так что нет никакого смысла сидеть сложа руки и ждать попутного судна.

Мы шли вдоль берега, а шлюпка двигалась на небольшом отдалении от него. Остров этот был невелик и весь зарос густой зеленью. Ближе к полудню следующего дня один из двух дозорных, шедших далеко впереди, принес неожиданные известия:

– Дальше, – он показал рукой, – большой залив. Пройти по берегу невозможно, только в обход, по скалам. Зато с другой стороны есть узкий перешеек, по которому мы вполне можем отправиться дальше. Но дело в другом: в заливе на западном берегу острова на якоре стоит корабль.

– Чей он?

Дозорный неопределенно пожал плечами:

– Далековато было, не разглядеть. Да и я сразу возвратился, чтобы сообщить о нем.

Дозорного звали Трендир. И он был единственным из людей Фреда, чье имя я успел запомнить. Кроме Бронса, ко-

нечно, но Бронса я знал давно.

Когда мы поднялись на скалы, то действительно увидели стоявший на якоре корабль. «Бригантина, – подумал я, – он похож на бригантину. Корабль двухмачтовый, фок-мачта с реями, а вот грот «сухой», то есть без рангоутного дерева. Так что паруса на нем будут только косые, вроде триселя с топселем. Определенно бригантина, не знаю, как их здесь называют, не попадались еще».

Мне сразу вспомнилась песенка про бригантину, которая поднимает паруса. На этом корабле парусов не поднимали, зато перетаскивали на палубу груз из шлюпки, вернее, вельбота (у него и нос, и корма острые).

Так, кричать «ура» и бросать вверх шляпы, захлебываясь от восторга, еще рано. Неизвестно, кто они, и этот вопрос необходимо выяснить как можно быстрее. Будет огорчительно, если они снимутся с якоря у нас на виду и уйдут, не заметив нас.

Тем временем вельбот причалил к берегу. Фер Груенуа, Трендир и я подобралась поближе, чтобы разглядеть, что делают матросы.

– Черепах ищут, – сказал Фред, внимательно рассматривая берег лагуны через зрительную трубу.

Черепах? Каких черепах? Хотя что тут удивительного? Черепахи – живые консервы, положил их в трюме – и доставай по одной по мере надобности. Удивительно живучие существа, что очень удобно, ведь холодильников на парусни-

ках нет. И у нас, на Земле, когда-то так было. Особенно Га- лапагосские острова черепахами славились.

Чей же это корабль? Словно услышав мои мысли, ветер развернул его на якоре, и мы смогли разглядеть висевший на гафеле флаг.

– Изнерд, – вздрогнул фер Груенуа.

Что же случилось с тобой, Фред, раз ты даже не смог го- ворить на эту тему? Ты снял шляпу, чтобы вытереть пот, и седины у тебя оказалось ничуть не меньше, чем у Бронса. Может быть, потом, когда пройдет время и воспоминания не будут такими яркими, ты мне все расскажешь.

Мы наблюдали за кораблем до самого вечера, ожидая непонятно чего. Была у меня, конечно, одна мысль, но я старательно гнал ее от себя, боясь сглазить. Когда, наконец, сгу- стились сумерки и я удостоверился, что корабль по-прежне- му стоит на якоре и сниматься с него как будто бы не соби- рается, я поинтересовался у Фреда:

– Господин фер Груенуа, помните, что я обещал вам но- вый корабль? Как вам такой для начала? – Фред недоуменно посмотрел на меня, и я продолжил: – Обещал, обещал, толь- ко забыл сказать об этом вслух. Я почему-то ясно вижу на корме этого корабля горящие золотом буквы милого вашему сердцу женского имени.

В наступавшей темноте было трудно разглядеть даже кор- му, не то что какие-то там буквы, но Фред улыбнулся:

– Далеко не самый плохой корабль, и у меня было время,

чтобы понять это, но вот вопрос: как вы себе все это представляете?

Пока никак не представляю, но придумать что-нибудь наверняка можно. Тем более сейчас, когда большая часть команды осталась на берегу. Они устроили себе что-то вроде пикника, и их легко можно понять: так приятно находиться на суше даже после двухнедельного плавания, по себе знаю.

До нас доносился запах жарившегося черепашьего мяса. А если учесть то, что на флоте никогда не экономили на вине, то ситуация складывается в нашу пользу. Вино не вода, что быстро протухает, тем более в нем есть витамин С, отсутствие которого – бич всех моряков дальнего плавания. Конечно, о витаминах в этом мире пока слыхом не слыхивали, но отсутствием здравого смысла люди и здесь не страдают.

Когда я предложил фер Груену захватить изнердийцев, тот поначалу даже изумился. Затем я наконец-то вновь увидел того бесшабашно-веселого Фреда, каким он был при самой первой нашей встрече, но его первая реакция говорила о том, что никому в здравом уме не придет в голову нападать на корабль Изнерда, а значит, наши шансы на успех увеличиваются.

Действовать нужно быстро, вряд ли экипаж останется ночевать на берегу. А бригантина славная. Четырнадцать пушек, из них по две на баке и корме. Пять орудийных портов на каждом борту. И я еще не принимаю во внимание мелочи вроде фальконетов.

В команде как минимум сто человек, большая часть, конечно, на берегу, но и на борту человек двадцать наберется. И справиться с ними нам вполне по силам, тем более они не ждут никакого нападения.

Еще днем я приказал перегнать шлюпку на эту сторону острова, так, на всякий случай. Вот теперь как раз этот случай и наступил. Пойдем все, даже те, что покалечены: сейчас каждый человек на счету. И от них будет прок, и от хромого, и от однорукого. Меня чуть смех не разобрал, когда я представил, что именно эти люди возглавят нашу атаку, я даже хрюкнул, не сумев сдержаться. Фред удивленно взглянул на меня. Ничего, фер Груенуа, привыкай, мои люди давно уже привыкли. Эх, мы бы с моими тридцатью парнями эту посудину вдрызг разнесли вместе со всей командой. Ладно, нечего мечтать, будем пользоваться тем, что есть.

Мы, ухватившись за борт шлюпки, плыли к коутнеру – как оказалось, именно так здесь называют бригантину. В самой шлюпке сидели оба пострадавших при катастрофе «Мелиссы», Трендир, исполнявший роль кормчего, Бронс и еще три человека из лучших бойцов, тех, что первыми должны оказаться на палубе. Огнестрельное оружие было только у них, да и клинкового на всех нас тоже не хватило. Но кто сказал, что выструганная наспех дубинка в умелых руках является всего лишь бесполезной деревяшкой?

В этот миг я думал только об одном: «Только бы не заметили с корабля, иначе не до смеха будет даже мне».

Глава 10

Удача по имени Биглоуз

Мы подобрались к изнердийцам уже на достаточно близкое расстояние. Со стороны корабля доносились звуки разговора, причем один человек почти кричал на другого, а тот лишь слабо оправдывался.

Я взглянул на Фреда, державшегося за борт шлюпки рядом со мной. Он говорил, что научился языку изнердийцев, нужда заставила. Но фер Груенуа был спокоен, насколько вообще можно оставаться спокойным в подобной ситуации.

Борт коутнера приближался. Только бы никто не надумал полюбоваться видом со стороны открытого моря. Сейчас бы густой туман или дождь... Нет, дождя не надо, трудно будет уберечь кремни замков от влаги.

Красивое здесь звездное небо, порой даже дух захватывает. Звезды кажутся огромными, а само небо темно-синего цвета. Не бывает оно здесь черным, разве что в ненастье. И света от ярких светящихся точек гораздо больше, чем на Земле в полнолуние. В этом не повезло. Вся надежда на то, что оставшиеся на борту люди тоже позволили себе немного расслабиться. Ведь вроде бы у них нет причин для опасений.

Вот он, вражеский корабль. На палубе снова заговорили.

Фред заметно напрягся:

– Шлюпки возвращаются с берега.

Черт! Но теперь уже поздно что-то менять.

Трендир легко, почти не касаясь планширя фальшборта вражеского корабля, взмыл на палубу. За ним последовала четверка людей, которые тоже находились в шлюпке. Вообще-то я и сам хотел идти в числе первых, но Фред, узнав об этом, лишь покачал головой:

– Поверь, Артуа, не стоит этого делать. Никто из нас не усомнится в твоей храбрости. Но всем нам хочется вернуться в Империю героями, людьми, сумевшими избежать изнердийского плена, да еще и на захваченном корабле, а не свидетелями твоей...

Он не договорил, но все и так было понятно. И я только крикнул в ответ.

Так что на палубу я попал в числе последних. Несмотря на это, изнердийцев хватило и на мою долю – людей на коутнере оказалось больше, чем мы предполагали. Те несколько матросов, что находились на верхней палубе корабля, погибли мгновенно. Наверное, у фер Груенуа оказались не самые плохие бойцы, да и неожиданность сыграла свою роль. А вот дальше начались проблемы.

Изнердийцы, десятка полтора-два матросов, что выскочили на звуки боя, не стали бездумно бросаться в атаку. Они просто выстроились на корме в две шеренги. К чему лезть на рожон, когда с берега скоро подойдут вельботы с подмогой

и тогда проблему можно будет решить быстро и без лишних жертв? Их и так было чуть ли не в два раза больше. Впрочем, ружей и пистолетов у изнердийцев почти не было, и это неудивительно: корабль военный, и оружие хранится не под подушкой, а в специальном оружейном помещении.

Прошка сделал шаг вперед, прикрывая меня спиной. А я прыгнул влево, припав на колено, потому что единственный заряженный пистолет оставался у меня, и я скорее бы палец позволил себе отрезать, чем передал его перед атакой в чужие руки. Под колено мне попало что-то твердое, и я заорал от боли. Слова были как на подбор непечатными, но кричал я на родном языке, и потому они вполне сошли за боевой клич.

Я выстрелил в человека, державшего в руках двуствольный тромблон. Нижний его ствол весьма впечатляющего калибра заканчивался широким плоским раструбом, что позволяло картечи рассеиваться в стороны. И выглядело оружие настолько впечатляюще, что часть наших людей подалась назад.

Наверное, стрелку стоило бы сразу им воспользоваться, но он решил покрасоваться, выбирая цель, и тут уж настала моя очередь стрелять. Я выпустил в изнердийца оба заряда, хотя вполне хватило бы и одного выстрела, но слишком уж жутко смотрелся тромблон в его руках. Второго стрелка поразил выпадом балота Прошка, тоже приземлившись в прыжке на одно колено.

Потом грохнул фальконет, один из тех двух, что ехали в нашей шлюпке багажом. Мы зарядили их перед атакой большим, чем это обычно делается, зарядом картечи. Уж не знаю, как умудрились поднять орудия на борт два человека, пострадавшие при крушении «Мелиссы», но если бы не они...

Воспользовавшись секундным замешательством экипажа, вперед выступили лучшие наши бойцы – Трендир с Бронсом, увлекая за собой остальных. А дальше мы яростным ревом помогали оставшимся в живых изнердецам, решившим искать спасения на берегу, прыгать за борт. С приближавшихся вельботов доносились крики, которые, наверное, должны были подбодрить защитников корабля. Затем до нас донесся гневный ор, адресованный тем, кто прыгал в воду.

Выстрел второго фальконета пришелся в перегруженный людьми вельбот, тот, что шел впереди. Затем в него же из тромблona выстрелил Трендир. Второй вельбот застопорил ход в нерешительности, и заставить его сдвинуться с места не в состоянии были даже крики с берега.

Скрипел кабестан, выбирая остатки якорного каната. Уже распустился нижний фок, поймал ветер кливер, и коутнер набирал ход, унося своих новых хозяев в открытое море.

Я подошел к седому как лунь и очень-очень худому человеку, который сидел прямо на палубе, растирая потревоженное больное колено, помог подняться, довел до лючины трюма, усадил на нее, затем сунул ему в руки бутылку с вином, что вручил мне расторопный Прошка.

Спасибо тебе, от всех нас спасибо. Если бы не эти два выстрела из фальконетов, то те из нас, кто уцелел, пытались бы сейчас достичь берега, а изнердийцы, сидящие в вельботах, азартно высматривали бы нас и с криками: «Вот, еще один!» – лупили бы нас веслами по голове.

– Как тебя зовут?

– Биглоузом, ваша светлость.

Вот, значит, как зовется наша сегодняшняя удача.

– Спасибо тебе, Биглоуз. Спасибо за все.

Утро следующего дня застало нас в пути. Коутнер шел под полными парусами. Рядом с рулевым стоял Фред, и сейчас он выглядел таким же, как когда-то давно, веселым и счастливым.

При abordаже погиб один человек и несколько были ранены. Людей недостаточно даже для того, чтобы нормально управлять коутнером, а уж о том, чтобы принять бой, и речи нет. Да и нет у нас такой задачи. Нам лишь нужно добраться до Ривеньеры, а там подумаем, что делать дальше. Самым мудрым решением станет продажа корабля, отправимся в Империю обычными пассажирами. Но сначала необходимо найти Мириам.

Наша добыча была знатной. Почти новый корабль, ему и десяти лет нет, пушки, оружие и прочее. Трюмы были почти пусты. Черепах, правда, было много, поэтому у нас возникла мысль, что ловили их не только для собственных нужд. Вполне возможно, что этот корабль посылали специально

для того, чтобы обеспечить ими курсирующую где-нибудь поблизости эскадру.

– Изнердийцы в этих местах бывают редко. Точнее, я вообще не слышал, чтобы они сюда заходили, – недоумевал Фред. Но от разговора о том, что именно произошло с ним в Изнерде, фер Груенуа снова уклонился. Ладно, это сейчас не важно.

Вот людей нам очень не хватает. Сейчас, при попутном ветерке и хорошей погоде, мы справляемся. Но стоит лишь чуть заштормить, и могут возникнуть проблемы. Я сам полночи отстоял за штурвалом, давая возможность одному из матросов отдохнуть. Вместе со мной был сти Молеуен – капитан парусника из меня тот еще. Утром, сдав вахту Бронсу, я решил, что пора и отдохнуть.

На палубе возились матросы, а Фред расхаживал с самым независимым видом, тайком от меня выспрашивая что-то у Прошки. Ну и черт с вами, не мятеж же вы затеваете. Смешно даже. Может, они пиратский флаг решили вывесить, чтобы заняться морским разбоем?

Относительно флага я оказался частично прав. Когда я снова вышел на палубу, все еще позевывая, люди исподтишка поглядывали на меня, явно чего-то ожидая.

Я взглянул за корму. Красиво. Белая кильватерная струя на фоне голубовато-зеленой воды. Посмотрел по левому борту. И здесь лепота. Остров, виднеющийся там, казался игрушечным: песочек, пальмы, белая полоска прибоя, и все

это на фоне ярко-голубого неба.

Небо. Ага, вот в чем причина вашей загадочности. Высоко над палубой, на самом топе грот-мачты трепыхался флаг. Золотистое полотнище, на котором вздыбилась черная лошадка. Ну-ну, «Феррари» навсегда.

И все же приятно, черт возьми! Казалось бы, такая мелочь, а вот ведь. Теперь главное не расчувствоваться. Люди ждут моей реакции. Что же делать? Приказать выкатить на палубу бочонок вина? Или заявить о том, что плавание под этим флагом налагает на них высокую ответственность и покрывает честью? И я просто сказал: «Спасибо!»

Глава 11

Сила слова

Посоветовавшись, в Ривьерне мы встали к причалу, уплатив за это из корабельной кассы, обнаруженной на борту новой «Мелиссы». Денег там оказалось немного: либо не баловали изнердийские власти капитанов своих кораблей, либо прежний капитан имел скверную привычку держать деньги в тайнике, который нам не удалось обнаружить.

Швартовались с отдачей якоря на подходе к пирсу – пригодится, если придется срочно покидать порт. Выбираешь якорный канат, и корабль разворачивается носом на выход из гавани. А если повезет и ветер от берега, то выходить можно с уже распущенными парусами.

Еще пришлось заплатить двум баркасам за помощь в швартовке. Это не на современных теплоходах «стоп машина, малый назад», плюс подруливающие устройства...

Справились без моей помощи, толку от меня нет. Я же размышлял о том, что ни на рейде, ни у причала в порту Ривеньеры «Ажганды гес» не оказалось. Слишком характерные у этого корабля очертания: бизань почти вплотную к гроту, так что не спутать даже мне. Либо мы ее обогнали, что маловероятно, либо она уже ушла.

Когда закончилась швартовка, почти стемнело, но мы от-

правились на берег в поисках человека, который обладал бы нужной нам информацией. В здании, где размещались портовые власти, уже никого не было – на мой требовательный стук никто не ответил.

В первой попавшейся портовой таверне нам встретился невзрачный человечек с неопрятной бороденкой, который за весьма скромную сумму поведал, что «Ажганда гес» действительно была в Ривеньере, но вышла в море еще утром. Куда ушла, он не знает, но если бы знал, то непременно бы нам поведал за столь же небольшое вознаграждение.

И Прошка потух, потух так, что на него было больно смотреть. Погоди, Проухв, есть у нас еще две маленькие надежды. Во-первых, завтра утром мы попробуем найти кого-нибудь из начальников порта, и, возможно, он будет знать, куда именно ушел корабль. А во-вторых, мы можем случайно обнаружить Мириам на местном невольничьем рынке. Вдруг девушка уже надоела Джоугу и он решил от нее избавиться. Словом, утро вечера мудренее.

Мы возвращались в порт прямой дорогой, проходя между каких-то лачуг. Настроение было самое поганое. Я не знал, что делать дальше, если Мириам не будет среди рабынь на рынке. Нельзя до бесконечности гоняться за Мириам, узнавая в очередном порту, что «Ажганда гес» уже ушла или что никто ее здесь даже не видел.

Самым разумным решением будет вернуться в Империю и уже оттуда вести поиски девушки. И все же обидно, чер-

товски обидно. На свадьбу я опоздал бы даже в том случае, если бы сел на борт попутного корабля в Агуайло.

Теперь остается надеяться только на то, что Янианна поймет меня и простит. Хотя трудно будет понять и простить человека, путившегося в погоню за другой женщиной вместо того, чтобы вернуться домой как можно быстрее. А после того как нам не удалось найти Мириам, мне и самому будет трудно оправдаться. Ладно, завтрашний день все решит. Вдруг Джоуг отправился в какой-нибудь порт, лежащий по пути в Империю.

Когда до меня донесся тоненький голосок, произнесший: «Ваша светлость», – я остановился так резко, что следовавший за мной Проухв чуть не снес меня с ног. Нет, мне не могло этого показаться, потому что и у Прошки был такой вид, что сразу становилось понятным: он слышал тоже.

В это время мы проходили мимо таверны явно невысокого пошиба. У одного из освещенных окон стояла группа мужчин, и среди этих людей далеко не интеллигентного вида была Мириам. По-моему, я дважды протер глаза, настолько это было неожиданно. Один из мужчин, с бритой головой и аккуратной шкиперской бородкой, по-хозяйски шарил у девушки за пазухой, проверяя, все ли там на месте. Мириам, затаив дыхание, умоляюще смотрела на меня.

Так, их восемь человек, и все они вооружены. Я тоже не один, нас четверо: со мной отправились фер Груенуа, сти Молеуен и Прошка. Проухв застыл в напряжении, как натя-

нутая тетива лука. Только скажи: «Ату» – и сразу начнется. Но одного его будет мало.

Сти Молеуен не боец, он и пошел-то с нами так, на всякий случай, как знаток нескольких языков. Конечно, шпагу в руках держать он умеет, да только в этой ситуации шпага особо не поможет.

Но все это мелочи, главное, что мы ее нашли, и теперь осталось только договориться. Если дело дойдет до денег, так я все пушки с «Мелиссы» отдам, все до единой, а они ужас как дороги.

– Господа, – обратился я ко всем, но смотрел на бородача, возомнившего себя маммологом-мануалом. Мы, к сожалению, не в Империи, где властвует закон и порядок, даже удивительный для текущей исторической эпохи, и то, что трое из нас носят шпаги, для этих людей не имеет почти никакого значения. Особенно здесь, в порту, куда и стража ночью зачастую опасается заглядывать.

– Господа. Это, – я указал пальцем на девушку, – мое.

Именно так, в среднем роде, чтобы не было ничего, кроме желания собственника вернуть свою собственность.

– Девицу украли у меня в Гостледере. За ней мы сюда и прибыли.

Вполне может быть, что они не знают о существовании такого мелкого городка, как Агуайло, но о Гостледере слышали точно. И то, что от него до Ривеньеры больше недели плавания, тоже должно о чем-то говорить.

– Я понимаю, что просто забрать ее у вас будет с моей стороны не слишком благородно, и поэтому предлагаю вам два варианта. Вариант первый: конечно же деньги. И второй вариант: я беру вас в свою команду. Слово за вами.

Сейчас незачем много говорить. По-моему, я достаточно ясно дал им понять, что эта девушка мне нужна и от своего намерения вернуть ее я не отступлюсь.

И то, что я предложил им работу, тоже далеко не самая глупая мысль – люди нам нужны. В любом случае нам придется решать проблему с недостающими членами экипажа завтра с утра, как бы ни пошли дела дальше. Эти парни – моряки, и их не спутаешь ни с крестьянами, ни с погонщиками мулов, ни с собравшимися на корпоратив горшечниками. Разве что не нужна им работа, но и здесь есть вариант переманить их себе, посулив более высокую оплату.

Я облегченно выдохнул, когда бородач подтолкнул Мириам по направлению ко мне. Видимо, он слегка не рассчитал своих сил, потому что я едва успел поймать девушку. Я прижал голову Мириам к своей груди, погладил по волосам и левой рукой убрал ее за спину. Там Прошка, он в шаге за моим левым плечом, всегда так было.

Девушка юркнула за широкую Прошкину спину. Ну вот, никакой благодарности, могла бы и спасибо сказать, и даже в щеку поцеловать. Воспитывать и воспитывать тебя еще, девочка.

Повстречавшиеся нам люди переглянулись между собой,

что-то вполголоса обсуждая. Хорошо все-таки получилось. В голове у меня вертелась заготовленная фраза, та, что я так и не стал озвучивать: «Я забираю девушку себе, а взамен оставляю вам ваши жизни». Звучало весьма пафосно, но как раз в духе времени. Вот только тогда без крови бы дело точно не обошлось.

Их раздумья понятны. Соблазнительно, конечно, получить деньги. Но не выгляжу я человеком, который может выложить много денег, а мои мысли им неизвестны. Надо, кстати, как-то решить этот вопрос, прямо завтра и решить. Встречают все-таки по одежке и судят по ней, и не только обо мне.

Наконец бородач, которого, как оказалось, звали Оливер Гентье, поинтересовался:

– Мы хотели бы знать, на каком именно корабле господин желает предложить нам работу.

– На коутнере «Мелисса», на котором господин фер Гру-нуа имеет честь быть капитаном. – И я кивком указал на Фреда. – Для начала вы поможете нам довести «Мелиссу» в Империю. Об оплате договоримся. И еще, в Империи вы получите дополнительное вознаграждение. Мы сейчас очень нуждаемся в опытных моряках.

Еще пару минут рассуждений на незнакомом мне языке. Я взглянул на сти Молеуена, но тот оставался совершенно бесстрастным, хотя язык этот он явно понимал и показал мне это, сделав едва уловимый жест ладонью.

– Коутнер в порту только один. Он пришел сегодня вечером под незнакомым мне флагом и очень похож на один из кораблей Изнерда. Вы не изнердийцы.

И Гентье замолчал в ожидании ответа.

А кто сказал, что мне в экипаж нужны недалекие дураки?

– Это на самом деле так. «Мелисса» до недавнего времени имела другое название и действительно ходила под флагом Изнерда. Потом случилось так, что наш корабль погиб и тут как нельзя кстати подвернулся коутнер.

Что ж парни, если вы боитесь последствий того, о чем только что услышали... В таком случае расплачиваться будем деньгами, но Мириам я не отдам.

И снова короткие переговоры на незнакомом языке.

– В этом случае обычной платы будет недостаточно, – озвучил общее решение все тот же Оливер.

– Договоримся. Пойдемте, время позднее, а мы сегодня забыли поужинать. Вот за ужином все и обговорим. Даю слово, платой вы останетесь довольны.

Я шел и размышлял, как же все удачно получилось. И Мириам нашлась, и люди. Пусть их и сейчас не хватает, но восемь опытных моряков сразу... Это опять удача, и как бы ее не спугнуть.

Прошка шел впереди, держа Мириам за руку, и в темноте они выглядели так, как будто неразумный родитель решил прогулять по ночному порту свою малолетнюю дочь. Они разговаривали между собой, и им не было дела ни до ко-

го, они даже голос не понижали, не беспокоясь, что их кто-нибудь услышит. Вернее, говорила одна Мириам, а Прошка лишь кивал головой. И вряд ли он вникал во все, что она ему рассказывала, он просто слушал ее голос, как слушают музыку, и все.

– Букашечка мой, ты не представляешь, как мне было страшно. Я ведь не выходила никуда и даже дверь не открывала. А потом дверь вдруг сама открылась... А этот Джоуг, он такой злой. Ты знаешь, Прошечка, моя мама была ворожеей, настоящей колдуньей, я тебе рассказывала. Она людей лечила всякими травами и наговорами и меня немножко учила. Я смеялась еще тогда, говорила, что мне такое не надо будет. Есть особый наговор, чтобы у мужчины ничего не получилось, если мне не захочется. Джоуг пришел, а я сидела, бубнила нужные слова, и у него ничего не получилось. Я так боялась, что он меня отдаст своим людям, а у меня тогда ничего не выйдет. Потому что это как зубную боль заговаривать: у всех сразу нельзя, по одному только. Джоуг злился и меня ударил, больно так. Он говорил, что с женщинами у него всегда все хорошо было, а я настоящая ведьма. Потом он меня хотел своему помощнику отдать, только тот отказался. Он сказал, что не хочет, чтобы у него все как у самого Джоуга было. И еще сказал, что меня нужно в кости проиграть, чтобы у Джоуга все опять стало хорошо. Вот этот тип с черной бородой меня и выиграл.

Оливер, который шел рядом со мной, тоже слышал слова

Мириам, и как-то так получилось, что он сразу же отстал, замедлив шаг. Оно и понятно, любому нормальному мужику немного не по себе будет от таких разговоров. Особенно если учесть, что это он выиграл Мириам в кости. А Мириам все говорила и говорила, пытаюсь выговорить весь свой страх, что накопился за эти дни:

– Только ты не подумай, Прощечка, у меня совсем-совсем ничего не было, честное-пречестное слово, ты мне веришь? – И она заглядывала ему в лицо. – А как твои раны, тебе сидеть уже не больно?

Я шел и думал: «Даже если ты и врешь, девочка, все равно ты ни в чем не виновата. А Прощка безумно рад был бы снова тебя увидеть, даже если бы вытащил прямо из борделя, потому что ты оказалась бы там не по зову сердца». И еще думал о том, что теперь можно возвращаться.

Набрать бы еще человек десять да свежими продуктами запастись, вином, зеленью. И галет нормальных, ведь тем, что у нас есть, прямая дорога за борт, потому что они из плохо обмолоченной ржи. И дело здесь не в том, что я привык трапезничать в императорском дворце, а в грибок-паразите спорынье.

Любит спорынья рожь, а при плохом обмолоте остается много зараженного ею зерна, того самого, из которого потом галлюциноген научатся добывать. Иной раз после такого хлебушка целыми деревнями ведьм ловили. Да еще и ядовита она, помимо всего прочего. И уж не из-за споры-

ны ли клятвенно потом уверяли моряки, что видели гигантских морских змеев, «Летучего голландца» и прочие чудеса. В этом мире тоже хватает рассказов о всяких морских чудовищах, так может, и причина одна и та же?

С людьми Оливер Гентье обещал помочь, сразу оговорившись, что вряд ли нам получится найти их больше десятка, да и то при почти невероятном везении. Причин тому несколько, и самая главная: «Мелисса» – бывший корабль Изнерда. Да что же с этими изнердийцами такое, если у всех колени начинают дрожать при одном упоминании о них?

Глава 12

Выбор есть всегда

Утром на «Мелиссу» нагрянули гости.

Я стоял на полукюте и слушал разговор фер Груенуа с Мростом, одним из его людей. Оба они рассматривали лежавшие на палубе буквы, выполненные из медного листа. Изготовил их Мрост, и из этих букв должно было сложиться название корабля.

А что, медь – материал вполне подходящий: и обрабатывается легко, и сверкает ничуть не хуже золота, если хорошо надраить. Буквы получились красивыми и неуловимо напоминали готический шрифт. Правда, в слове «Мелисса» была пропущена одна буква «с», что, собственно, и составляло суть спора.

Мрост философски заявлял, что в нехватке одной буквы нет ничего страшного, ведь мы часто сокращаем женское имя, чтобы сделать любимой приятное. И вообще, главное найти в любом сокращении глубинный смысл.

Над ответом фер Груенуа раздумывал недолго, и его тезис звучал так. Поскольку он полностью согласен с рассуждениями о сокращении, то сейчас скажет Бронсу, чтобы тот Мросту кое-что укоротил.

Какой в этом смысл? Да хотя бы такой, что Мрост пере-

станет тратить в каждом порту все свои деньги на местных прелестниц, остепенится, купит себе дом и займется одним лишь творчеством. А последнее, никто не станет отрицать, получается у Мроста очень даже замечательно.

В этом приказе будет и глубинный смысл: из глаз Мроста навеки исчезнет блудливое выражение, и взор его станет чистым и ясным.

– Ты даже обнаженных натурщиц сможешь писать спокойно, – подумав, добавил Фред. – А Бронс мою просьбу выполнит с удовольствием, и ты знаешь почему.

Бронс, занятый неподалеку мелкой починкой рея и слышавший весь разговор, заявил, что сделает это, причем делает бесплатно и действительно с удовольствием, и Мрост знает почему.

Все еще хромающий Биглоуз, чистивший кормовую кулеврину, добавил, что он с удовольствием подержит Мроста за руки, и тот знает почему.

Бронс сказал, что и в одиночку справится отлично. Кроме того, он не хочет делиться удовольствием ни с кем.

Не знаю, что намеревался ответить Мрост, уже набравший воздуха в легкие и даже открывший рот, но всех нас отвлек шум на причале. К «Мелиссе» подкатили две кареты, которые сопровождало четыре десятка солдат.

Из карет вышло несколько человек, они поднялись по трапу на палубу коутнера. Затем вновь прибывшие разбрелись по кораблю и начали рассматривать «Мелиссу» с самым хо-

зыйским видом. И мы с Фредом поспешили им навстречу.

Наши неожиданные гости старательно делали вид, что совершенно нас не замечают. Один из прибывших, толстячок самой что ни на есть благодушной наружности, внимательно разглядывал пушку, даже ногтем по ней щелкнул. Милый такой толстячок с пухлыми губами и короткой шпагой. Не могу себе представить целесообразность такого оружия. Разве что это символ, указывающий на благородство происхождения его обладателя.

Гость выглядел бы довольно забавно, если бы не его холодные глаза стального цвета. И рассматривал он парусник так, как будто прикидывал: во сколько встанет косметический ремонт и что он будет иметь с перепродажи?

Связан этот визит, вероятно, с нашей неспособностью доказать, что красавец-коутнер принадлежит именно нам. Ни документов, указывающих на право собственности, ни каких-либо патентов, подтверждающих наши полномочия по вопросам каперства, у нас нет. Выходит, мы самые что ни на есть пираты. Но мы сейчас не в Монтарно, чтобы на этот счет особенно не беспокоиться.

Наверное, толстячок решил, что ему повезло. Заходит в гавань корабль, весьма похожий на изнердийский, но флаг на нем непонятно чей. А ты ведь, Артуа, так радовался, видя свой герб, развевающийся над идущим на всех парусах кораблем. Небось и сердце гордостью наполнялось? Так подойди к ним и расскажи, кто ты и кем в самом скором вре-

мени должен стать. О приключениях своих расскажи, поведай, как от пиратов сбежал. Да и о том, что дальше было, они послушают с интересом. Прямо сейчас и подойди. Глядишь, и проникнутся. А не проникнутся, тоже ничего страшного. Передадут тебя Империи в обмен на какие-нибудь уступки. Все-таки не частные люди будут обменом заниматься, и, наверное, золото им просить будет стыдно. А всех остальных потом можно будет выкупить, главное, чтобы их не повесили...

Черта с два вы что у меня получите, господа хорошие, даже квач с гальюна. За этот корабль люди погибли, я уж не говорю про свою царапину, из-за которой просыпаюсь сто раз за ночь, стоит неловко пошевелиться. Я теперь за это корыто костями на палубе лягу, и не потому, что мне его жалко. Люди поверили мне, и подвести их я не имею права.

Лишь бы Гентье со своими парнями был на нашей стороне, ведь им, по сути, ничего не угрожает. Вот сейчас и проверим:

– Фред, – обратился я к фер Груенуа, – нужно отсечь гостей от трапа.

Заодно посмотрим и на реакцию Фреда. Я плохо знаю его людей, но и сам он за эти годы мог измениться, причем измениться сильно. Если его люди и люди Оливера Гентье не будут делать того, что мне необходимо, не получится ничего.

Ну, поехали.

Фред визгливым голосом заорал на Бронса, который стал

на «Мелиссе» боцманом, распекая его за безобразие, видимое только им двоим. И совершенно случайно это безобразие находилось у самого трапа. Перед тем как начать орать, фер Груенуа произвел манипуляцию левой кистью, прикрыв ее от гостей телом. Люди Гентье на рев Бронса тоже откликнулись, так что визитерам поневоле пришлось отойти от борта еще дальше.

Среди шести наших гостей был офицер, командующий прибывшими вместе с ними солдатами. Вид у него был откровенно скучающий: похоже, миссия по осмотру неизвестного корабля не вызывала у него восторга. А что у нас делают солдаты на берегу? Скучают, как и их командир, и на происходящее на палубе пока не обращают внимания.

А вот и Бертоуз подключился к игре. Он с самым индифферентным лицом занял место там, где мне и хотелось бы его видеть. И ведь сам догадался, никто ему об этом не говорил.

Вот теперь точно пора.

– Господа, – обратился я сразу ко всем, поочередно посмотрев на каждого гостя. Некогда мне шарады разгадывать, кто в их делегации главный. – Вероятно, вы решили встать в первых рядах штурмового отряда, иначе как это все понимать? Сейчас вы заявите мне нечто такое, на что я наверняка не соглашусь, после чего покинете борт корабля и отдадите приказ солдатам. А мы будем глядеть вам вслед с робкой надеждой, что все образумится. Так прикажете вас понимать? Так вот, я полагаю, что все будет несколько иначе.

Сейчас вы пройдете, чтобы посмотреть внутреннее убранство моей каюты, и пробудете там до самого выхода из гавани. Там вы получите в свое распоряжение шлюпку, на которой и покинете гостеприимный борт «Мелиссы».

Как бы подтверждая мои слова о нашей гостеприимности, Бертоуз ненавязчиво обратил внимание визитеров на фальконет, установленный на вертлюге, что позволяло вести круговой обстрел.

Говорить я старался негромко, но убедительно, и для большей убедительности направил ствол пистолета в живот офицера. Сейчас главное, чтобы солдаты на берегу не услышали, что происходит на борту «Мелиссы».

Конечно, захват заложников не дворянское дело, но думал я о другом. Может быть, я тысячу раз не прав, заподозрив наших гостей в том, в чем заподозрил. Но если все же прав, то тянуть не стоит. Даже если мы сумеем отбиться от солдат и отойти от причала, из гавани, которая находится под защитой форта, нам не выйти. Пусть «Мелиссу» и не потопят, но она успеет нахватать столько ядер и книппелей, что останется без парусов. Затем нас легко догонят и так же легко возьмут на абордаж. И пусть здесь нет телефонов, чтобы сообщить о случившемся в форт, но система оповещения наверняка продумана и надежна.

«Только бы солдат на берегу не потревожить», – снова промелькнуло в голове.

Люди, прибывшие на борт коутнера, на несколько мгно-

вений замерли в нерешительности, и понять их было можно. Ведь они у себя дома и стоит только свистнуть... Но с другой стороны, смерть, вот она, рядом, в паре шагов, стоит с самым решительным видом. По себе знаю, в такие секунды жизнь кажется особенно сладкой, и очень-очень трудно сделать выбор.

А на баке развернулась безобразнейшая сцена. Один из людей Гентье по имени Гриттер устроил самый настоящий пьяный скандал. Он орал, не выбирая выражений, что его, марсового матроса, заставляют драить галюны. Это его-то, кто знает моря как свои пять пальцев и чье присутствие на борту заставляло пиратов десять раз подумать, стоит ли идти на abordаж! Не для того он нанялся на борт этой посудины, чтобы выгребать дерьмо. Он, на чьем счету чуть ли не дюжина гигантских акул-людоедов, которых он разорвал голыми руками, должен убирать за теми, кто моря еще даже не нюхал!

Я поймал взгляд толстячка, что несколько минут назад так по-хозяйски осматривал «Мелиссу». Визитер явно хотел сказать мне: «Что же ты, со своим отребьем справиться не можешь, а берешься за такие дела?»

Действительно, чего это он там разорался? И когда только успел набраться? Вроде выглядит вполне адекватным. Стоявшие на причале солдаты откровенно ржали, тыкая в Гриттера пальцем. А тот продолжал орать, заявляя, что плевать он хотел на такую работу, его и на любом другом корабле с

руками и ногами оторвут, на таком, где на вине не экономят. Затем этот обалдуй заявил, что если ему немедленно не нальют, то он разберет эту скорлупку по дощечкам до последнего бимса так, что она будет напоминать лохань, в которой женщины стирают белье. Да и городу мало не покажется.

Тут Гриттер посмотрел на реакцию солдат и пошел на попятный, сказав, что город, так и быть, трогать не станет.

Вот под этот пьяный рев и доносящийся с причала гогот мы и отконвоировали аманатов в капитанскую каюту. Там усадили их за стол, и Мириам в милом кружевном передничке (и где только нашла?) обнесла их всех вином, кстати, довольно мерзким на вкус, но другого у нас не было. Но, как говорится, чем богаты...

Заложников с палубы мы удалили лихо, даже этот, как его, Гриттер помог, отвлекая на себя внимание. А вот что делать с солдатами дальше? Если выйти и заявить, что гости пожелали прокатиться на корабле, получится крайне неубедительно. Значит, нужно найти среди заложников человека, который вышел бы вместе со мной и сделал такое заявление вместо меня. Причем надо соблюдать два условия: солдаты должны его послушаться, а сам он не должен заикаться и иметь бледный вид.

Ну и кого же выбрать? Больше других на эту роль подходит офицер, тем более солдатами командует именно он. Будет трудно убедить его отдать такой приказ, но другого выхода нет. Выглядит он спокойнее остальных, да и видно, что

он воин, а не тыловая крыса: на лице шрам, а при ходьбе чуть прихрамывает. И еще у офицера шпага на боку имеется, настоящая, боевая, в потертых ножнах. Трудно будет заставить его совершить нечто противоречащее дворянской чести. Трудно, но придется, да и выбора нет.

Для начала я вывел офицера из каюты и поставил у него за спиной двух здоровенных обалдуев – Прошку и еще одного такого же переростка, Сотниса. Чтобы обстановку нагнетали. Может и не подействовать, но почему бы не попытаться? Еще понадобился сти Молеуен – на случай, если возникнет необходимость в переводчике.

Я взглянул на Проухва – ну просто воплощение безмятежности, даже слегка улыбается. Мне бы его нервы. Или его сознание.

– Артуа де Койн, граф, – обратился я к офицеру. Если творишь какое-то негодяйство, нужно делать это под своим именем. Это добрые дела можно вершить, оставаясь инкогнито.

После секундной заминки офицер представился:

– Алиан Сторк.

– Так вот, уважаемый Алиан Сторк, у вас есть возможность спасти как этих людей, – я указал в направлении каюты, которую мы только что покинули, – так и жизни солдат, что остались на причале. В вашем мужестве и чести я не сомневаюсь, но разговор сейчас не о них. Речь идет о людях, чья судьба напрямую зависит только от вашего решения.

Я немного помолчал, чтобы Сторк мог все осмыслить. Должен признаться, я ему не завидовал. Выбраться из создавшейся ситуации с честью и живым сложно, да что там, практически невозможно.

– Господин Сторк, я предлагаю вместе со мной выйти на палубу и сказать солдатам, что вам вместе с остальными господами взбрело в голову совершить на коутнере небольшой вояж, чтобы оценить мореходные качества корабля.

Может, добавить, что его солдаты находятся под прицелом пушек? Но оружейные порты закрыты, как и положено, когдаходишь в дружественный город. Ничего, фальконеты он сам видел, а значит, все и так предельно ясно, и офицер отлично понимает, что мы сами себе отрезали дорогу к отступлению.

Если Сторк откажется, придется подать Прошке знак, чтобы тот его оглушил. Уговаривать бессмысленно, зачем терять время. Надеюсь, что следующий будет сговорчивее, ведь он наверняка будет думать, что Сторк уже мертв. Да я и сам ему об этом скажу, еще и Прошку попрошу рожу пострашнее скорчить.

– Каковы гарантии? – Офицер спросил с таким видом, будто поинтересовался погодой на завтра.

– Мое слово. – Я выставил перед собой ладонь с прижатыми другу к другу пальцами. Здесь так принято, когда поручаешься. – Шлюпку вы получите даже в том случае, если после нашего отхода от причала что-то пойдет не так. И я

вновь повторил свой жест.

Ну давай же, решай быстрее, время идет. Если тебе не дорога собственная жизнь, так подумай об остальных, их жизнь зависит только от тебя.

– Пойдемте.

И он первым направился к выходу из кормовой надстройки.

Вот же спокойствие у человека! Я ему даже позавидовал.

Офицер обратился к солдатам на незнакомом языке, и я посмотрел на сти Молеуена. Тот едва заметно развел руками: «Не понимаю». Опять проблема: кто его знает, что Сторк сказал своим солдатам.

Но нет, беспокоился я напрасно. Солдаты подчинились команде и удалились, сопровождаемые важного вида капралом. Уф. Теперь можно перевести дух в первый раз. Второй будет после того, как мы покинем гавань, пройдя мимо форта.

Никогда раньше я не видел, чтобы так быстро отдавались швартовы, выбирался якорный канат и распускались паруса. «Был бы секундомер, я бы обязательно засек время и сделал его нормативом», – думал я, наблюдая за действиями команды «Мелиссы».

Форт мы миновали уже под полными парусами, успев поставить даже дополнительные стаксели. Нам повезло, что с берега дул свежий попутный ветерок, вселяя в наши сердца веру в благополучный исход дела. Кстати, нам даже шлюпку

отдавать не пришлось: мы переправили вынужденных пассажиров на какую-то рыбацкую фелюгу.

На прощание я выразительно посмотрел на Сторка: «Может быть, с нами? Что тебя ждет на берегу, кроме проблем и неприятностей?» – но тот лишь отвел взгляд. Последним покинул борт «Мелиссы» толстячок, который единственный, кроме Сторка, выглядел во время нашего совместного путешествия безмятежно-спокойным. Он мне понравился, и в другой обстановке я бы с удовольствием с ним поговорил.

Я стоял на юте, глядя на удаляющийся берег, когда ко мне подошел Гриттер. «Так, вот ты-то мне и нужен», – едва успел подумать я, но Гриттер поинтересовался:

– Ваша светлость, я не переигрывал?

«Вот тебе и раз», – удивился я, пожимая ему руку.

Очень хорошо, что нам удалось выбраться из Ривеньеры живыми и здоровыми. И Мириам с нами. Но на этом все хорошее и заканчивается.

Вчера, посоветовавшись с фер Груенуа и сти Молеуеном, мы приняли решение продать пару кулеврин. И пусть цену за них дали бы весьма несерьезную, но даже этих денег нам хватило бы, чтобы закупить все необходимое к плаванию к берегам Империи: продукты, вино, парусину и много всего еще. Но из-за такого поворота событий мы даже пресной водой не успели запастись. Только и удалось купить, что клеть с курами. И то лишь только потому, что вездесущие торговцы подвезли свой товар к самому борту.

И нам по-прежнему очень не хватало людей. Гентье говорил, что утром нет смысла искать матросов на берегу, все они соберутся в тавернах только к обеду. Хорошо хоть все наши люди оказались на борту. Кто мог знать, что все так обернется? Иначе бы мы ушли еще до восхода солнца.

Я взглянул вверх, где на желтом клочке ткани трепыхалась черная лошадка.

Ну-ну, Артуа. Ты прикажи ее снять: мол, снова поднимем, когда окажемся в территориальных водах Империи, где уже ничто нам не будет угрожать. И с любым другим флагом проблем не будет, тот же Мрост исполнит его тебе в самом лучшем виде. Вот только к чему тогда вообще было его поднимать?

Первый день плавания прошел спокойно. Ближе к вечеру мы перестали опасаться погони. Люди повеселели: что-то очень неприятное, но удачно пережитое всегда почему-то вспоминается со смехом.

Я весь световой день проходил от борта к борту, мудро поглядывая по сторонам, в небо, на паруса. Прервался только на обед и послеобеденный отдых. Адмиральский час на флоте – дело святое. И поскольку в этом мире такой традиции еще нет, необходимо ее ввести. А как же лучше всего вводить, если не собственным примером?

Поглядывать по сторонам и в небо не было никакой необходимости. Фер Груенуа – опытный капитан, а сти Молеуен – навигатор с большой буквы, в чем я уже неоднократно мог

убедиться. Так что занимался я в основном тем, что пытался придумать убедительное оправдание неявки на собственную свадьбу.

– Любимый, – скажет Янианна. – Ты за этим корабликом плавал столько времени? Как мило! Теперь их у тебя целых два! Один этот, как его... «Лолита», – при этом слове она обязательно немного наморщит носик, потому что считает, что назвал я его в честь одной из своих прежних пассий, и мне никак не удастся ее переубедить. – Пусть он будет мне свадебным подарком. Я прикажу его поставить на площади перед дворцом и каждый день стану подолгу им любоваться. А глаза у меня будут блестеть от слез умиления. – Тут она придаст выражению своего лица самый восторженный вид.

Со свадебным подарком у меня действительно ничего не получилось. Сюрприз будет, и нисколько не сомневаюсь, что впечатлит он всех. Только слишком уж он быстро закончится. А впечатления, оставленные им, – вещь далеко не материальная. Что делать, ума не приложу.

Ближе к закату на горизонте стали видны паруса кораблей, следующих нашим курсом. Шли мы открытым морем, здраво рассудив, что в проливе, случись что, не будет пространства для маневра. Рассмотреть корабли не удалось, было только ясно, что их три.

Вся ночь прошла в тревожном ожидании. На рассвете все три корабля оказались значительно ближе, но все же у нас оставалась легкая надежда, что это просто наши попутчики.

Надежда растаяла, растаяла полностью, когда мы взяли мористее и корабли изменили курс вслед за нами.

«Мелисса» разрезала воду на всех парусах, но таинственная эскадра становилась все ближе и ближе. Когда наконец удалось разглядеть флаги преследующих нас кораблей, фер Груену заметно побледнел.

– Это изнердийцы, – сказал он упавшим голосом.

За следующие полдня ничего не изменилось: расстояние между нами продолжало неуклонно сокращаться.

Что мы можем сделать? Да ничего. Парусов уже не добавить, груза на борту «Мелисса» не имеет, так что и выбросить, по сути, нечего, разве что избавиться от орудий. А толку?

Два преследовавших нас корабля были двухдечные, как минимум по сорок пушек на борту у каждого. Третий похож на «Мелиссу», а это еще четырнадцать-шестнадцать орудий. И ничего хорошего нас не ждет, даже если мы просто сдадимся в плен.

Мне все же удалось кое-что узнать об Изнерде, пусть и не так много, как хотелось бы. Но и того, что я услышал, было достаточно, чтобы понять: захват изнердского корабля сродни пощечине. И пощечина эта была нанесена не какому-то конкретному человеку, а целой державе. Последствия представить нетрудно.

Я видел, что все вокруг ожидают от меня каких-то действий. Но что же я могу? Я вам что, бог, добрый волшебник?

Попробовать, что ли, прикрыться именем Янианны, умоляя нас пощадить?

Подошел Бертоуз, взглянул на меня, и я молча кивнул головой. Через минуту по очереди рявкнули две ретирадные кулеврины, установленные на корме.

Так, чему быть – того не миновать. Когда-то это должно было произойти, не могло же нам везти до бесконечности. Жаль только, что происходит так рано.

Под взглядами людей я бросил на палубу пару абордажных кошек, затем разрядил в сторону приближающихся кораблей оба ствола своего пистолета, взял в руки пороховницу и всыпал в стволы порох. Всыпал много, не жалея. Прошка дернулся и снова застыл. Знаю, Проухв, знаю. Стволы могут не выдержать такого заряда, но понадобится нам всего лишь один выстрел. Я насыпал пороха на полки замков и положил пистолет на бухту пенькового каната перед входом в крюйт-камеру. Все.

Я развернулся и по очереди посмотрел в глаза окружающим меня людям. Выбор всегда есть, но примете ли вы его именно таким?

Глава 13

Костыль из золота

Так, парни, все, что вы сейчас увидели, придумано не мной. Много лет назад в другом мире на одном корабле сложилась похожая ситуация. И именно так тогда лежали пистолеты у входа в крюйт-камеру. И те, кто был на паруснике, выстояли, выиграли бой с многократно превосходящим их противником. Адмиралы, офицеры самых могущественных тогда флотов отказывались поверить в случившееся, объясняя победу невероятно благоприятным стечением обстоятельств. Да какая теперь разница, почему это произошло? Разве главное в этом? Главное в том, что пистолеты лежали у входа в крюйт-камеру.

И еще, на могиле офицера, командующего этим кораблем, высечено: «Потомству в пример». А я, как ни крути, тоже вроде бы один из его потомков.

Но как ко всему этому отнесетесь вы, парни? Ведь сейчас совсем не та ситуация, что сложилась в том бою, о котором вам даже не приходилось слышать. Но никто из вас не отвел взгляда.

Фред подошел к пистолету, взял его в руки, внимательно осмотрел состояние кремней, затем положил на место и прикрыл снятым с себя камзолом. Разумно – пистолет не намо-

чит водой. Затем фер Груенуа встал рядом со мной. А я продолжал рассматривать стоявших напротив людей. А что, хорошие люди, пусть и совсем не похожи на ангелов. Особенно это относится к тем, кто пришел вместе с Оливером Гентье. Смешно даже пытаться представить их добропорядочными гражданами, нисколько не сомневаюсь, что за свою жизнь они видели и творили такое...

Да, они не ангелы, зато, если нужно, не задумываясь будут в жестокий шторм карабкаться на мачты высотой в добрые тридцать метров, когда даже на палубе устоять на ногах почти невозможно, когда корабль почти касается ноками рей воды то одним, то другим бортом... А ведь на мачты не просто необходимо забраться, там еще и работать нужно, тянуть сжатыми до судороги пальцами вырывающуюся парусину, бороться со всеми этими шкотами и гитовами.

Такие люди готовы прыгнуть на палубу вражеского корабля, не слыша даже грохота боя из-за собственного рева, прыгнуть прямо на клинки сабель и стволы ружей противника... Это про них у нас говорят: сам черт не брат. Здесь говорят по-другому: тигру в пасть плюнет. Не потому ли эти люди так охочи до тех радостей жизни, что ждут их на берегу?

Ладно, это все лирика. Ну, что тут у нас?

Сначала о плохом и грустном. Нам не оторваться. Изнердйцы настигнут нас еще до наступления темноты. Ночью мы могли бы сменить курс, и, если бы повезло, они не заме-

тили бы нашего маневра. К утру мы бы уже скрылись за горизонтом.

Вероятно, нам следовало так поступить прошлой ночью, но что сделано, то сделано. «Мелисса» – не самый ходкий корабль, в этом нам не повезло. Не повезло и с тем, что прошлые владельцы парусника только начали кренгование и не успели очистить подводную часть корпуса от ракушек и водорослей, которые сильно тормозили ход корабля.

Кроме того, «Мелисса» имеет усиленный корпус, и это, надеюсь, поможет при попадании в него ядром. Но вот масса корабля от этого увеличилась. Прибавьте к этому грот с косыми парусами – это неплохо для управления, но не для хода корабля.

Интересно, а что у нас есть хорошего? Обязательно что-то должно найтись.

На корме, перебивая мысли, грохнули обе кулеврины. Это Бертоуз их осваивает. До изнердийцев еще далеко, и ядра не преодолевают даже половину расстояния. То-то, наверное, веселье стоит на преследующих нас кораблях.

Ну что же, нас догонят, оставят пушечными выстрелами коутнер без парусов, картечью сгонят всех нас с палубы и отправят шлюпки с абордажными командами. Им даже швартоваться не будет необходимости. Топить нас не будут (хоть что-то хорошее), и это значит, что у нас есть время побарахтаться.

Опять два выстрела с кормы. Забавляйся, Бертоуз, забав-

ляйся. Пороха не жалко, все равно не успеем весь сжечь. А в кюйт-камере пороха хватает. Хорошего качества, кстати, порох, гранулы отшлифованные и одной величины. Вспыхнет равномерно.

– Ваша светлость, может быть, можно что-то сделать?

Это Прошка. И глаза у него с такой надеждой смотрят. Не за себя он беспокоится, Мириам ему жалко. Та, бедная, ходит, не отрывая глаз от пола, вернее, от палубы. Тяжело Мириам, понимает ведь, что все проблемы именно из-за нее.

– Конечно, Проухв. Сейчас черепашек на волю выпустим. Знаешь, сколько они живут? По триста лет, а то и больше. Нас давно уже не будет, а они все будут рассказывать своим детям о нашем милосердии, – не стал я разочаровывать парня.

Вот что, Фред, не смотри на меня так. Должен уже привыкнуть. Не хотят изнердийцы в сторону отваливать? Ну-ну.

– Давай! – сам себе скомандовал Гентье и выбросил за борт очередной тюк. Последний час люди только тем и занимались, что относили на корму корабля всякий хлам и кидали его за борт. Хлам быстро закончился, и потому в воду начали лететь и вполне ценные вещи. Но сейчас об их ценности никто не задумывался – собственная жизнь дороже.

Мы облегчили «Мелиссу» не менее чем на тонну, но преследующие нас корабли приближались так же неумолимо, как беспощадная смерть к приговоренному к казни узнику.

Фер Груенуа как-то по-особенному поглядывал на небо, море, втягивая в себя воздух и чуть ли не пробуя его на вкус языком. Затем он о чем-то переговорил со сти Молеуеном, имевшим весьма загадочный вид.

На палубе возились Гриттер, Бронс и еще пара человек, соорудившие из пустых бочек нечто похожее на небольшой плотик. Один был уже готов, но нам их нужно три.

Ветер переменялся внезапно. Вернее, внезапно для меня, но никак не для Фреда и Клемьера. Иначе зачем бы они чуть ли не час назад послали марсовых на мачты? И теперь оставалось только подать команду. «Мелисса» послушно накренилась на правый борт, ложась на новый курс.

Фред предчувствовал изменение направления ветра, и, не проводи мы вовремя этого маневра, сейчас ветер стал бы чуть ли не встречным. Мы выиграли час, возможно, два, но до заката еще далеко. И наши противники, вероятно, тоже посматривают на небо, желая разделаться с нами до темноты.

Я как в воду глядел, потому что вражеский коутнер резко прибавил ходу. По-видимому, до сей поры он просто держался в тени других кораблей, а теперь, починяясь приказу, пошел под всеми парусами. Расстояние между нами стало стремительно сокращаться. Эх, ну почему в наших руках не оказался тот быстроходный корабль?

Похоже, фер Груенуа думал о том же. Ничего, Фред, будет у тебя корабль, быстрый, как стрела, обязательно будет. Нам бы только сегодняшний день пережить.

На носу догоняющего нас корабля появились два облачка дыма, затем донесся грохот выстрелов. Гляди-ка, а ведь и вправду ядра в полете можно увидеть. Но что-то мне не очень хотелось сейчас в этом убеждаться.

Ядра упали в воду, не долетев приличного расстояния. Ничего, лиха беда начало. Сейчас они подойдут поближе, поравняются с нами, убедятся, что мы даже залпом не можем отвечать, и начнется потеха.

Так, наш ответный ход. Черт бы тебя взял, Бертоуз! Когда мы вернемся в Империю, я первым делом закажу у Гростара золотую трость, а затем торжественно тебе ее вручу. И обязательно настою, чтобы на бриллиантах он не сэкономил.

Снова грохнули обе наши кормовые пушки. Бертоуз, быть тебе ворошиловским стрелком, первым в этом мире. И значок у тебя под стать твоей клюке из золота с камнями. Положить во вражеский корабль три ядра из четырех! Недаром ты все это время кулеврины лелеял. Ядра по одному отбирал, осматривая их, взвешивая на руках, примеряя по диаметру орудийного ствола и разделяя на две неравные кучки. И порох из бочек чуть ли не на язык пробовал, заполняя ими картузы, пошитые Мириам со скоростью швейной машинки.

И пусть никаких больших разрушений вражескому кораблю эти попадания не принесли, не взорвался он со страшным грохотом, распадаясь на куски, но зато нас сразу зауважали. Коутнер резко отвалил в сторону, спасаясь от обстрела.

Так, что-то долго мы мусор за борт не выбрасывали, за-

смотревшись на чудеса Бертоуза. Вот, например, две полупустых бочки вполне для этого сгодятся. На догоняющих нас кораблях занимались тем, что пытались на полном ходу выловить выброшенные за борт предметы, убедившись, что мы вышвыриваем все подряд. Ну, может, и бочки с вином выловят, хоть порадуются.

Все, пора отправлять за борт выглядевшее довольно нелепым сооружение из пары бочек, парусины и досок. Осторожнее, парни, осторожнее. И с богом. Еще и сплунуть на удачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.